

ГОНЁК ДЛЯ ХОЛОДНОГО БОССА

ВИКТОРИЯ ВИШНЕВСКАЯ

Виктория Вишневская

Огонек для холодного босса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69573190

SelfPub; 2023

Аннотация

– Ты станешь няней для моего сына.– У Льва есть мама, – проговариваю и закусываю губу. Никудышная мать, которая абсолютно не смотрит за ребёнком. – Необразцовая, но ему нужна именно она. Её любовь. Забота. Как и ваша. Жаль, что я не его мама... И не могу её заменить. У меня другие планы на жизнь... Я скоро выхожу замуж.– Мне всё равно, что ты думаешь, – небрежно бросает Покровский. – Ты – моя подчинённая, а я – твой босс. Считай, перевожу с одной должности на другую. Маленькое повышение. Из тренера в няни? Он издевается?– Нет, – заявляю категорично. А внутри две личности сталкиваются. Борются друг с другом. Одна говорит стоять на своём, а другая... просит взять мальчика под крыло. Огненную заводилу, который сделает всё, чтобы привлечь внимание родителей. – Я не могу. Говорю уверенно, а сама смотрю на крошку, сопящего в коляске. Обычный ребёнок. Вижу таких каждый день. Но почему-то именно к нему безобразно сильно тянется сердце...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	51
Глава 9	56
Глава 10	63
Глава 11	68
Глава 12	73
Глава 13	80
Глава 14	86
Глава 15	90
Глава 16	96
Глава 17	101
Глава 18	107
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Виктория Вишневская

Огонек для холодного босса

Глава 1

– Ап-а-а-а.

Отрываю взгляд от журнала дежурств и на мгновение теряюсь, когда слышу детский и пронзительный крик. В бассейне для взрослых, закрывшемся из-за поломки.

Взглядом ищу источник звука и быстро его нахожу, замирая. И если тело цепенеет, то сердце забивается где-то в горле от открывшегося вида. Ребёнок, которого здесь быть не должно, ползёт по краю бассейна и вот-вот свалится в холодную воду.

Выронив из рук журнал, неосознанно срываюсь с места. Голова не думает, дыхание перехватывает, а ноги сами несут меня к малышу под быстрое биение пульса.

Он смотрит в воду, тянется к ней ладошкой и отчаянно зовёт папу.

– С... – резко обрываю себя, так и недоговорив требовательное «стой». Дура! Только напугаешь его, и точно свалится в воду! Сжав зубы, лишь ускоряюсь.

Успеть бы!

Подлетаю к крохе и чуть не схожу с ума, когда поскользываюсь на плитке. Сцепив зубы, перехватываю мальчика за грудь и не даю упасть в воду. Прижимаю к себе ребёнка, отбивая, кажется, копчик.

Но это фигня по сравнению с тем, что только что испытала.

Напугал...

Пытаюсь отдышаться и понять, что происходит.

– Ап-а-а-а, – эхом раздаётся на весь зал.

– Тише, малыш, тише, – успокаивающе шепчу ему и целую в макушку.

Что он здесь вообще делает? Бассейн для грудничков находится в другой стороне! А этот должен быть закрыт из-за поломки в системе фильтрации. И подогрев выключили, из-за чего вода там теперь не для купания...

Куда его родители, вообще, смотрят?

Сажаю крошку к себе лицом и ахаю.

– Львёнок, – снова шепчу, узнавая мальчика, с которым занимаюсь несколько раз в неделю. – Ты как здесь оказался?

Кого я спрашиваю? Его? Сама же ведь видела эту мамашку. Она приходит, передаёт мне ребёнка и сразу же уходит по своим делам. Ни разу не была на занятиях и тем более не интересовалась его результатами.

Да, не образец материнства, но...

Потерять своего ребёнка? Как такое возможно?

Она хоть понимает, какой это стресс для него? Личико всё красное, капилляры в глазках полопались, а губы до сих пор дрожат от страха. Вздрагивает и по-прежнему плачет, громко всхлипывая.

Поглаживаю его по плечикам, по спинке и шепчу:

– Я рядом, Львёнок, рядом. Сейчас пойдём искать твою мамулю.

– Апа-а-а, – несмотря на мои слова, кажется, зовёт своего папу. Его я тоже ни разу не видела. Но он, скорее всего, работает, раз они могут позволить себе такие частые тренировки.

– И его тоже поищем.

Встаю с плитки, крепче держу Льва. И, пока мы идём до администратора, успокаиваю его ласковым голосом. Он перестаёт плакать, вцепляется в меня крохотными пальчиками и что-то мурчит мне на ушко от страха.

Так мы доходим до зала, где Арина, администратор, вжав голову в плечи, выдерживает на себе весь гнев Покровской – мамы Львёнка.

– Где мой ребёнок?!

– Н-не беспокойтесь, мы сейчас найдём! – теряется Арина, нащупывая свой телефон.

То есть до этого момента Покровская не заметила пропажи собственного сына?

– А мы уже нашли, – продолжаю говорить тихо, чтобы мальчик опять не заплакал. Такой стресс для ребёнка... Бед-

няжка.

Обе девушки, услышав меня, поворачиваются в нашу сторону. Женщина, только завидев своё чадо, подлетает ко мне и грубо вырывает его из рук. Корябает своими длинными ногтями нежную кожу, вызывая очередной прилив раздражения. Игнорирует всхлип малыша и трётся о его голову щекой.

– Ах, солнышко, я так переживала... Папа бы твой меня убил и волосы все выдрал, если бы я тебя потеряла...

И это всё, что её волнует?

Ирина, если точно помню её имя, метает в меня острый и презрительный взгляд. Будто во всём произошедшем виновата я. Даже не поблагодарила, овца.

– Что за ужасный бассейн? Детей теряете! Я пришла вам отдать сына на плаванье, а вы!..

Чего-чего? Мне показалось, или она, правда, сказала это?

– Стойте, – выставляю руку вперёд и останавливаю этот словесный понос. – Во-первых, ответственность в зоне ожидания лежит полностью на вас. Это вы можете прочитать в договоре, который подписывали.

– Да хрень ваши бумажки!

– Во-вторых, – начинаю с нажимом и показываю на огромный плакат в зале ожидания, где большими буквами написано: «Уважаемые родители, не оставляйте детей без присмотра!». – Прочитайте вот эту надпись, что всё это время висела перед вашими глазами. Которую вы наверняка проигно-

рировали, когда сидели в телефоне. И не уследили за сыном.

Ох, прилетит мне за то, что спорю с клиентом, но... Это капец. Я разных мамашек повидала, но тут...

– Я привела его к вам на занятие, – буквально выплёвывает. – И он уполз именно во время него! Это на вашей ответственности!

Смотрю на электронные часы, стоящие на стойке администратора.

– Наша тренировка начнётся через десять минут, – указываю ей на этот факт. Боже, я и не подозревала, что она настолько неадекватная... Лучше бы и дальше была равнодушной, не заинтересованной в успехах сына. Теперь мне кажется, что ей нужно сходить к психотерапевту.

– Да плевать мне. Я всё мужу расскажу! И тебя в первую очередь уволят! – кричит мне и уходит, напугав маленького Льва. Он снова покраснелся, начал плакать. А ей всё равно. Тащит малютку на улицу, даже не забрав панаму, лежащую возле дивана...

– Это что только что было? – само срывается с губ. Стою в шоке, не моргая. Такого в практике у меня ещё не было...

– Не знаю, Вась, не знаю... Она сидела, в телефоне залипала. А потом резко засуетилась, начала орать, где её ребёнок... И это после того, как я ей два раза сказала, что Лев то туда залезет, то туда... Я отвлеклась на звонок, и... Вот.

– Ясно, – отвечаю сухо.

– А ты где его нашла?

– В бассейн чуть не упал, – выплёвывая, скрестив руки на груди. – Мимо проходила. А там... Он.

Как вспомню – дурно становится.

– Жесть. И что теперь делать будем? Она там мужем угрожала... А он у неё вроде не последний человек в городе.

В горле спирает от несправедливости и даже страха. Конечно, я волнуюсь за свою работу. Этот новый бассейн – наше с Валерой спасение. Я тренер по плаванию, работаю на двух ставках. С детьми до трёх лет и со взрослыми. А мой парень, Валера, – тренер по футболу. Мы живём в съёмной квартире, копим на первый ипотечный взнос. С деньгами постоянно проблемы, но, как только пару месяцев назад я сюда устроилась, всё начало получаться.

И я зубами буду держаться за эту работу, даже если какая-то мымра нажалуется своему папику.

– Думаю, у неё сегодня день не задался, – предполагает Арина. Хоть и говорит это, в голосе слышится сомнение. – Может, завтра придёт и извинится? Знаешь, ПМС там или магнитные бури. Мы же обе знаем, что не виноваты.

Коротко киваю.

– Всё нормально будет, – говорю с уверенностью. И почему-то волнуюсь больше за маленького Львёнка, чем за всё остальное.

Но скрывать не буду – всё это дико напрягает.

С трудом возвращаюсь к работе, ожидаю следующих гостей нашего бассейна. После произошедшего всё валится из

рук, и я честно волнуюсь, каждый раз вздрагивая, когда в бассейн заходил человек. Боялась, что это директор.

Но сегодня мне повезло, и его не оказалось на работе. Вечером я возвращаюсь домой, долго не могу уснуть от пережитого стресса. Ничего плохого не произошло, но кадр с маленьким Львом на краю бассейна мелькал перед глазами, и я уснула только под утро.

На следующий день выхожу на работу, веду первое занятие. Второе должно быть с Львёнком, но его я уже и не жду. Вряд ли они придут после вчерашнего. Поэтому ухожу в комнату для тренеров, перевожу дыхание.

Интересно, директор уже в курсе произошедшего? Наверняка... У нас камеры повсюду.

А сегодня ещё и затишье такое нехорошее... Словно перед бурей.

И один маленький шторм в виде Арины вдруг распахивает дверь тренерской. Глаза по пять копеек, вид напуганный.

Только не говорите мне, что опять что-то произошло!

– Нет, скажи что-нибудь хорошее, – останавливаю её.

– Прости... Там Покровская пришла.

– Ясно, – киваю, скрестив руки на груди. Пытаюсь не выдать волнение, а сама кусаю щёку изнутри.

– С мужем...

Глава 2

Игорь

– Игорюш, ты же любишь меня? – Ладони Маши опускаются на мои плечи, мягко их массируя. Передёргиваю плечами, сбрасывая её руки со своего тела и делая глоток кофе.

– Твою мать, – цежу сквозь зубы, обжигая язык. Эта женщина постоянно лезет под руку! Оборачиваюсь, стреляю недовольным взглядом на свою жену. – Что тебе надо? С чего такие вопросы?

Знает же, что я их ненавижу.

Слово «люблю» язык не повернётся сказать. Никогда.

– Просто хотела узнать, – дует губки в своей манере. А я усмехаюсь, ставлю чашку кофе на барную стойку и на неё же облакачиваюсь, сканируя взглядом Машу. Сидит на стуле в одной пижаме, невзначай скидывает лямку с плеча.

Поиграться решила...

– Ты никогда ничего просто так не спрашиваешь. Рассказывай.

– Да нечего рассказывать. Просто... – она опускает взгляд, ведёт пальцем по мраморной отделке столешницы. – Ты так много работаешь. Совсем на меня забил. Приходишь, сразу к Лёве, а я...

Рука сама тянется к её пухлым губам. Ненавижу их. Надутые, неестественные. Аж целовать противно. Но мы дого-

ворились, что колоть она их больше не будет.

Маша задерживает дыхание, а я игриво веду пальцем по её нижней губе.

– Сын вечером. – Как она могла, вообще, поставить его рядом с собой по важности? – А ты – ночью. Тебе мало?

– Да. Мы совсем не проводим время вместе. Когда у тебя выходной? Я бы хотела куда-нибудь съездить, отдохнуть.

– Нет, – отрезаю я, отдёргивая руку. – Я работаю. Каждый день. Отпуск в следующем месяце.

– Но у тебя сегодня выходной, – продолжает пилить меня. Зря так делает. Я и взбеситься могу.

– Через час у меня встреча, поэтому любой отдых испортится тем, что полдня будет потеряно.

– Ясно, – без эмоций проговаривает и отворачивается. – Может, хотя бы в бассейн нас отвезёшь? Я уже устала от руля.

– Устала? – снова улыбаюсь. – А не ты ли мечтала о тачке?

– Но я же не думала, что буду личным водителем Лёвы!

– Он твой сын, – напоминаю ей. – Это твоя обязанность.

– А ты – отец. Мог бы и подбросить нас. После встречи у тебя есть планы? Может, мы...

Знаю продолжение, поэтому прерываю её:

– Ладно, отвезу.

Хоть узнаю, куда Маша водит нашего ребёнка и как у него успехи. Записать Льва на грудничковое плавание было её идеей. И я её поддержал для укрепления детского организ-

ма. Всё лучше, чем бегать по дому без трусов и тягать в рот всё, что видишь.

Что, собственно, сын и пытается сделать, когда мы отвлекаемся.

– Лев! – гаркаю на него, когда он подходит к столику и отрывает клочок от журнала. Тянется им ко рту, но, услышав мой тон, тут же выпускает его из пальчиков и испуганно смотрит на меня. – Не ешь.

Тонкие губы подрагивают, и он чуть не ревёт.

Да чёрт.

Снова вышел из себя.

Отрываюсь от барной стойки, подхожу к своей мелочи и подхватываю под мышки. Прижимаю к себе, слышу обиженное сопение и целую его в пухлую щёчку.

– Прости. Папа сегодня не в духе. И маме стоит лучше объяснять тебе, что стоит брать в рот, а что нет.

Маша тяжело вздыхает, и на этом наш разговор заканчивается. Через полчаса везу их в бассейн. Выхожу с ними, осматриваясь. Чистая местность, подстриженные деревья, удобная парковка. Комплекс с виду просторный, новый.

Но название неподходящее.

«Искра».

Внутри, как и ожидается, дела обстоят хорошо. Со вкусом, стильно, и сюда хочется вернуться. Неплохое место, с точки зрения бизнеса. Может, выкупить его? Попробовать себя в новом направлении. С бассейнами я дело ещё не имел.

Обдумаю. Лишняя головная боль мне не нужна.

– Игорюш, переоденешь наше солнышко? Я пока кое-что у администратора уточню.

Это у той девчонки, которая смотрит на меня с каким-то беспокойством и страхом?

Хочется сделать игривое «бу», которое часто делаю сыну, но решаю не заигрывать с девчонкой.

Я женат с некоторых пор.

Хотя иногда об этом забываю. Вспоминаю, когда приходит сообщение от банков о списании денег.

– Не задерживайся, – кидаю жене и, взяв Льва за руку, слеую за ним. Сын – здесь частый гость, поэтому сам показывает путь до раздевалки. Найдя ящик с нужным номерком, оставляю в нём вещи и помогаю своей мелочи переодеться под детский неразборчивый лепет. Говорить, засранец, пока не собирается, как и ходить без руки. В основном, ползает, маленькое ленивое чудо. Но, когда ему что-то надо – может и сам пройтись.

Щёлкаю его по носику и под залиvistый счастливый смех поднимаю на руки. Глажу по спине и обещаю себе, что как-нибудь найду время и гляну на его занятия с тренером. Интересно узнать, что они там делают. Он уже научился задерживать дыхание под водой или ещё нет?

Возвращаюсь в холл со Львом на руках. Машка беседует с администратором, и я слышу её фразу:

– Сделаем вид, что ничего не было.

– Чего не было? – врываюсь в разговор. Девушка за стойкой напряжённая, бежит взглядом от меня к жене. Они все здесь такие нервные? Если да, мне становится страшно за сына. Вдруг у того тренера рука дрогнет, и ребёнок пойдёт ко дну?

– Да так, – ласково улыбается Маша и забирает у меня маленькое сокровище. – У нас было одно маленькое недопонимание.

Коротко киваю. С моей женой мало кто ладит.

– Жду тебя в машине, – кидаю ей. И, потрепав любимого непоседу по макушке, покидаю плавательный комплекс.

Глава 3

Василиса

В недоумении гляжу на Покровскую. После вчерашнего она снова привела сюда Льва на занятия, да ещё и сделала вид, что ничего не произошло? Или на неё так действует её муж, которого я так и не нахожу в помещении?

Может, он у директора? Чёрт. Что-то здесь не так. Чувствую подвох.

– Здравствуйте, – усмехается Ирина при виде меня. Многозначительно осматривает меня с головы до ног. Не знаю, что творится в этой голове, но и знать не хочу. – Игорюша вас не дождался и ушёл.

Игорюша. Как же приторно и сладко звучит это с её губ.

Девушка без препирательств передаёт мне уже переодетого ребёнка. И тут же переключает всё внимание на своё отражение в зеркале.

– Повезло вам. И я подумала, что так и быть. Забудем об этом маленьком недоразумении. Отчасти я была виновата.

– Рады, что всё решилось тихо и мирно.

Хорошо, что Арина отвечает первая, не давая мне вставить хоть слово.

Я с трудом молчу и закусываю язык, зная, что из горла посыпятся только ругательства. Отчасти там была её вина?! Офигевшая противная девчонка!

Но радуется, что она поджала хвост. И, рассказав всё своему папику, подставила себя под удар. Дура. Потому что поняла это только сейчас.

Благо долго терпеть её не приходится, девушка быстро поправляет свой макияж и убегает.

– М-да, – крутит пальцем у виска наш администратор. – У Машки в голове букашки.

– Маша? Он разве не Ирина?

– Нет, – смеётся. – Не удивительно, что ты её не запомнила. Видитесь на пару секунд три раза в неделю. Она тебя вообще, кажется, не знает. Говорит: «А где эта?».

Забавно, но не удивительно. Образ у Маши такой. Легкомысленной стервы, которая всегда и везде права только из-за того, что за её спиной стоит богач. Хоть не видела её мужа, но, судя по пафосу Покровской, так и есть.

– Но нам повезло, она решила не раздувать конфликт.

– Хорошо, – киваю и озвучиваю свои мысли вслух: – В следующий раз будем внимательнее.

С такими дурочками только так.

Интересно, как на таких ведутся? Ах, тело, конечно же. Внутренний мир и душа прогнили у этой особы насквозь. Но и не мне осуждать – может, она такая только с посторонними. Я тоже не ангелочек и мила только с родными.

– Ну что, – переключаюсь на Льва, которого называю в своей голове Огоньком. Этот мальчишка не может усидеть на месте. И уматывает он меня в бассейне так, что после я

остаюсь без сил. Это я, тренер со стажем, который раньше плавал круглые сутки!

А после Огонька мне нужна передышка. Что уж говорить – он умудрился сбежать от родной матери.

– Пошли плавать?

– Ава, – говорит что-то на своём детском и весело хлопает в ладоши. Мы под радостное улюлюканье направляемся в зону занятий. Вначале как всегда, делаю, лёгкий массаж, подготавливая хрупкое тельце к тренировке. А затем погружаемся в воду, работаем по чёткой и отработанной программе.

Малыш счастливо гребёт руками, что-то поёт себе под нос и бьёт ладошкой по воде.

Вроде всё идёт хорошо, но... Напрягает. Дурное предчувствие липкими лапками трогает со всех сторон, заставляя озираться и думать о странных заговорах.

Тренировка кончается, и мне снова приходится встретиться с Машей. Она забирает у меня Огонька, воркует с ним, говорит, как любит. И с Ариной мило лепечет, отчего у меня моментально появляются вопросы. А потом я понимаю почему.

Взгляд касается высокого мужчины у стойки. Закатав рукава рубашки от жары, без интереса смотрит в телефон. Только когда Огонёк объявляет о своем присутствии, поднимает взгляд на ребёнка и улыбается.

– Папочка тебя решил сегодня забрать, – лебезит Маша. Значит, этот человек – Покровский? Папа Льва? Если при-

смотреться... Они очень похожи. Но у мальчика черты лица ещё мягкие, в отличие от его отца.

Но вырастет красивым... Человек, которым вчера пугала нас девушка, симпатичный. Внимание привлекают острые скулы, дерзкий и волевой взгляд. А ещё этот ёжик на голове. Хочется засмеяться, потому что только недавно Валера решил подстричься, и я еле отговорила его не избавляться от шелковистых волос, в которые так люблю зарываться пальцами.

На меня внимания он не обращает. Но мне и не надо. Не со всеми родителями хочется общаться.

Отдав малыша, напоминаю его горе-родительнице, что не стоит кормить ребёнка перед тренировкой. Та так приторно-сладко мне отвечает, что я чуть не засовываю два пальца в рот.

Попрощавшись, ухожу на свой перерыв. На сегодня у меня с малышами закончено. Только после обеда придут несколько девочек на обучение, но это будет нескоро. Поэтому, решив воспользоваться своим положением, плаваю в бассейне и прогоняю навязчивые мысли из головы.

Иногда выныриваю из воды, набираю воздух и контролирую гостей, чтобы ничего не произошло.

В один из таких заходов двери зала распахиваются, будто их выбивают.

Оборачиваюсь ко входу, чтобы сказать больше так не делать, но...

Директору в этом здании можно всё.

Он идёт впереди, а за ним... Покровские. Обеспокоенная Маша, прижимающая к себе Огонька. И её разгневанный муж. И если по лицу это не сильно видно, то... Серые глаза даже на расстоянии испепеляют всё на своём пути.

– Василиса, – окликает меня Семён Петрович, останавливаясь недалеко от меня. – Нужно срочно поговорить.

– Никаких разговоров, – слова звучат так громко, глубоко и сердито, будто в помещении гремит гром. – Я хочу, чтобы её уволили, – сердито и безапелляционно кивает в мою сторону Покровский.

– Что? – выпаливаю, упираясь ладонями в бортик бассейна и вылетая из него, как пуля. Хватаю полотенце, смотрю за спину мужчины, сделавшего это заявление, и раздражаюсь от довольного вида его жены. Ясно, всё же не успокоилась...

Глава 4

Потеряла ребёнка и решила повесить вину на меня?

Ловлю на своём теле изучающий взгляд мужчины, но никак на него не реагирую. До этого момента он даже не обращал на меня внимания.

Не думала, что такие серьёзные разговоры буду вести в одном купальнике...

Покровский делает шаг вперёд, подходя так близко, что я пугаюсь. Нависает грозовой тучей и зло чеканит:

– Ты ответишь за то, что сделала с моим сыном.

– Вы должны быть мне благодарны за то, что я его... – ответно цежу сквозь зубы, однако не успеваю договорить, как он хватает меня за плечи и сильно их сжимает. Невольно кривлюсь от боли, но держусь, чтобы не показать всё это на лице.

– Благодарен за то, что у ребёнка после вашего занятия вся спина в отвратительных царапинах?

Распахиваю глаза, не понимая, о чём он.

– Какие царапины?

Я занималась плаванием со Львом, и всё с ним было хорошо.

– Дуру из себя не строй.

Мужчина отпускает меня, и я выдыхаю. Не заметила, как перестала дышать рядом с ним. Агрессивных людей на дух

не переносу.

– Я напомню.

Покровский подходит к горе-матери, устроившей весь этот цирк, и, не забирая ребёнка, приспускает ткань бодика. А там, на всю маленькую спину... несколько чётких и ужасных красных отметин. Да таких, будто их нанесли специально, вжимая ногти в нежную кожу.

От их вида всё начинает в груди клокотать.

Как эта дура, вообще, за дитём смотрит? Он от неё то убежит, то теперь это...

Жалко мне малютку. И если я надеялась хотя бы на его отца, то теперь...

Вряд ли. У них странная семейка.

– До тренировки их не было, – проговаривает, еле сдерживаясь. Мужчина в гневе... Видно по лицу, острым скулам, которые стали ещё отчётливее от того, как он крепко сжимает челюсти. – Я сам его переодевал.

Сглатываю, но не от того, что на меня орут и обвиняют в том, чего я не делала. Лицо Огонька немного красное, как и глазки. Плакал, бедненький...

Только не говорите мне, что эта мымра специально нанесла своему ребёнку вред и заставила его плакать, лишь бы отомстить мне за вчерашнее?

Долбанутая мамашка!

– Спрашивайте у своей жены, – бросаю, скрещивая руки на груди. Ногти у меня короткие. Длина есть, но аккуратная

и незаметная, и вряд ли я нанесу вред малышу. Ни разу за практику такого не было!

А вот эта овца мстительная вчера продемонстрировала свои когти, когда ткнула одним в щёку сына и не заметила.

– Игорюш, ты видишь, что она говорит? – строит из себя дуручку и гладит Огонька по головке. – Родную мать обвиняет! Вот, смотри!

И показывает свои руки. А там... всё коротко настолько, что даже пару миллиметров не выступает.

Подготовилась, коза драная.

– Как я могла?! Своего пупсика! Игорьь, ей нельзя контактировать с детьми! Она их травмирует!

Глаза Покровского полыхают с новой силой. Он сверлит меня взглядом и многообещающе, зло бросает:

– Ты об этом пожалеешь.

От этих слов Лев начинает плакать и тянуться к отцу. Не сидит на руках у Маши, вырывается, чем вызывает её недоумение.

– Солнышко, перестань! – прикрикивает на него. Надавливая на израненную спинку, и крик мальчика становится сильнее. – Ой-ой, прости!

Всё внутри сжимается, и я машинально делаю шаг вперёд. А эту дура, вместо того, чтобы убрать ладонь, продолжает криво держать Огонька, принося ему боль. От громкого плача вообще чуть не выкидывает его из рук. Благо Покровский быстро реагирует, бережно берёт малютку и разь-

ярённо смотрит на свою жену. Так же, как и на меня пару минут назад.

– Прости, Игорюш, запаниковала, – теряется. И указывает пальцем на меня. – Это всё из-за неё!

– Стоп, – проговариваю, не выдержав. – Давайте мы на минуту отвлечёмся от этого недоразумения и позаботимся о вашем сыне. Я не знаю, чем нанесена травма, но на всякий случай это нужно обработать. Кожа у малыша нежная в этом возрасте, и ему очень больно.

– Опять нашего сына угробить решила?! – вопит Маша, но быстро затихает, когда в неё летит взгляд Игоря. Я не вижу какой и не хочу знать, раз девушка, только завидев его, замолкает. Мужчина оборачивается, и я сама чуть не пячусь назад. Но кто он мне, чтобы его бояться?

– Если вы не против, давайте пойдём в тренерскую вместе, – указываю на дверь недалеко от нас. Аптечка для первой помощи находится там. – Только без вашей долбанутой жены, извините.

– Да сама ты долбанутая! Не, Игорюш, ты слышал, что она мне сказала? А вы что стоите? Увольте её!

Бедному директору досталось. А Покровский молчит. Прожигает меня глазами, будто раздумывая, стоит ли мне доверять.

– Хорошо, – цедит сквозь зубы. – Разберёмся чуть позже. Я выдыхаю. Хочется забрать Огонька, обезопасить в своих руках, но понимаю, что это только сильнее разозлит их.

– В смысле без меня, Игорюш?

– Замолчи, – грубо обрывает её и направляется за мной.

– Есть аллергия на какие-нибудь препараты?

– Маша? – уточняет у своей жены мужчина.

– Я откуда знаю?

Чёрт, нужно ввести на законодательном уровне, чтобы такие без подготовки не размножались. Читали пособия и ходили на курсы. Кто вот такой же, как Маша, – ставить отметку «Не годен».

Нет, ладно, немногие мамы знают про аллергию своих детей. Но чтобы допустить такое...

В голове не укладывается.

Мы заходим в тренерскую вместе с директором, который всё это время молчал. Но теперь его будто прорывает. Скачет вокруг нас, пыхтит и жёстко требует:

– Василиса, объяснись!

– Я этого не делала, – говорю ещё раз твёрдо и дрожащими руками достаю аптечку. А трясутся они от такого, что из-за какой-то дуры я могу потерять работу. Да и Огонька жалко... Он ведь ни в чём не виноват. Маленький ещё, говорить не умеет. – Можете глянуть по камерам в холле. Я отдавала ребёнка здорового, без царапин.

– Камеры есть? – спрашивает Игорь. Но делает это уже спокойнее, без той испепеляющей ярости.

– Да-да, конечно, – лебезит перед ним директор.

– Тогда почему вы ещё здесь? Я хочу глянуть записи.

Семён Петрович, испугавшись и быстро закивав головой, убегает. Мы остаёмся втроём, и всё, о чём я могу думать, – так какую мазь лучше взять, чтобы уменьшить боль. Царапины свежие. И, осмотрев их, не до конца понимаю, как такое можно сделать ногтями...

Ладно, надеюсь, что на обычный декспантенол и хлоргексидин не начнётся аллергическая реакция.

Аккуратно ваткой распределяю мазь. Огонёк на руках у отца становится тише, обнимает его за шею, вцепившись мёртвой хваткой. А Покровский... Всё это время смотрит на меня сверху вниз. Следит за каждым моим действием. Порой я даже сомневаюсь, что делаю всё верно.

А потом даю себе мысленную пощёчину.

Я знаю свою работу. И уверенно её выполняю. В университете первой помощи нас обучали.

– Знаю, что вы вряд ли меня выслушаете...

– Попробуй.

Дёргаюсь, поднимаю взгляд на мужчину и всматриваюсь в серые ледяные глаза. У Огонька они не такие. Карие, тёмные, искрящиеся теплом. Ими он точно пошёл не в отца.

Крылья носа раздуваются в гневе, который мужчина пытается утихомирить.

– Ну? – нетерпеливо произносит.

Глава 5

Игорь

Даю ей шанс высказаться не от того, что добрый. Я дико взбешён и с трудом сдерживаюсь, чтобы не сломать ей несколько пальцев, посмевших тронуть моего ребёнка. Но сквозь гнев просачиваются толика здравого смысла и скептицизма.

Уговариваю себя не делать поспешных выводов – не в моём стиле.

Холодная голова на плечах и ясный ум постепенно возвращаются. Наблюдаю за девчонкой с волевым видом. Она – боец. Карие глаза не смотрят на меня с беспокойством или страхом, характерными чувствами после умышленного вреда кому-либо.

Разве смогла бы девчонка, поцарапав моего сына, быть такой собранной? Не теряется, не боится.

Только если вида не подаёт. Но это слишком хорошо нужно скрывать свои эмоции.

– Ну? – подгоняю её. Пауза затянулась.

Василиса опускает взгляд на спину Льва, возвращаясь к её обработке.

– У нас в зале ожидания, где вас принимает администратор, стоят камеры. Уверена, они и покажут настоящую картину происходящего.

Стал бы виновный сам себя подставлять?

Нет, это точно не она. Многое не сходится.

Расслабляюсь, заглушаю предвзятость.

– Думаю, ваша жена уронила Огонька или же... – обрывает, закусывая нижнюю губу и не решаясь продолжить. Сравниваю с губами Маши. Не тонкие, не пухлые. Золотая середина. И по виду настоящие.

Огонёк... Она так Льва называет? Ему подходит. Он активный, не сидит на месте и бегает так, что за ним не угонишься. Вспыхивает, как спичка, заряжая своей радостью, что перекидывается на других.

– Продолжай. От твоих слов зависит многое. В том числе и твоё будущее. Я не оставлю это просто так.

– Я знаю, – нахмурившись, откладывает ватку и отходит на несколько шагов назад. – Сейчас подсохнет, и можно вернуть ткань на место.

Коротко киваю. Это не то, что я хочу услышать.

А Василиса не торопится, прикрывает полотенцем длинные и немного загорелые ножки. Давно не видел слитных купальников – Маша предпочитает отдельные, на завязках, чтобы её шикарное тело было заметно издалека.

Проклятье, о чём я думаю?

– Возможно, она сделала это сама.

Прилив раздражения не заставляет себя долго ждать. Жена у меня не ромашка, но я не позволю клеветать на Машу или оскорблять её. Она родила мне сына, поэтому, каким бы

хреновым мужем ни был, встану на её сторону.

– Из-за чего?

– Вчера Лев убежал от неё и чуть не свалился в бассейн с холодной водой. Я нашла его, и, конечно, не обошлось без криков и упрёков в сторону работников нашего комплекса... Поэтому, думаю, она немного... Решила отомстить мне?

Что она сделала? Не уследила за Львом?

– Бабские глупости, – выплёвываю. – Маша на это неспособна.

Она легкомысленная, немного ветреная. Упустить из виду ребёнка – да, может. Но чтобы целенаправленно нанести ему вред – никогда.

И всё это ещё не доказано.

– Я всего лишь донесла свою точку зрения, – хмыкает и вновь возвращается к затихшему сыну. Поправляет ткань у него на спине, и я невольно замечаю длину её ногтей. Небольшая, аккуратная. У Маши такие же. Именно сегодня. Обычно она предпочитает другие. – Верить мне или нет – покажут камеры. Им я доверяю больше всего.

Для ясности картины нужна запись с раздевалки, но вряд ли там установлены камеры. Дьявол, с чего я начал подозревать ещё и Машу?

Целую своего маленького бойца в лоб и успокаиваю.

Обещаю, что все, кто к этому причастен, будут наказаны.

Как и твоя мама, но за вчерашний косяк. Если подтвердится, что она не уследила за тобой.

В тренерской становится тихо, и только обеспокоенный лепет и всхлипы моего малыша как-то разрушают мрачное молчание.

– Если вы не против, пока ждём видеозаписей, я переоденусь. – Девушка отрывается ягодицами от деревянного стола, придерживая полотенце. Оно промокло насквозь из-за такого же влажного купальника и её волос.

– Против, – чеканю. – Ты можешь сбежать.

– Делать мне больше нечего? – усмехается. – Мой директор выложит про меня всё, даже адрес проживания. Не думаю, что у вас возникнут трудности с тем, чтобы найти меня.

От её наглого, решительного и в то же время насмехающегося тона внутри меня вспыхивает необычное чувство. Удовольствие.

Она дерзит мне? В такой ситуации? Тому, от кого зависит её работа?

Да если захочу – её даже уборщицей никуда не возьмут. И я говорю не только про бассейн. И даже не про наш город.

– Тогда выйдите, – решительно смотрит в мою сторону. Упёрто, с блеском в карих глазах. – Вещи я храню здесь, никуда не отлучусь.

Недовольно поглядываю на дверь.

А там – Маша. Нет настроения у меня сегодня. Особенно сейчас.

Она. Потеряла. Льва.

Сидела в телефоне? Разглядывала маникюр? Или есть

другая веская причина?

Плевать на причину! Всё равно получит.

– Ладно, – иду на уступки. И, перехватив успокоившегося сына поудобнее, выхожу из душевой и мелкой комнаты. Футболка липнет к телу, как и тут же подлетевшая ко мне Маша. Утыкается грудью в мою руку и, как надоедливая собачка, дышит рядом:

– Как там? С ним всё в порядке? Я не понимаю, почему ты ещё ничего не сделал с ней!?

– Успокойся. Гляну камеры и тогда приму решение.

– Камеры? – обеспокоенно спрашивает. – Разве они тут есть?

– А что ты так заволновалась? – прищурившись, вглядываюсь в обеспокоенное выражение лица. Губы задрожали, а жена нервно сглотнула. – Хочешь мне что-то сказать?

– Нет, – мотает головой и отводит взгляд. – Просто...

– Я знаю, что вчера случилось, – бросаю, чтобы не мучилась. – И мне это не понравилось, Маша. Поговорим дома.

– Ты веришь всему, что она говорит?!

Крепко сжимаю челюсти.

Терпи, Покровский. Не при травмированном ребёнке выяснять отношения. Он и так перенервничал за последние часы.

Вовремя появляется директор этого цирка. С телефоном в руках. Тычет им мне в лицо.

– Вот-вот, всё принёс!

Включает видеозапись, где видно зал ожидания. Огромный плакат, на котором непроизвольно читаю надпись, приводит в бешенство. Если всё было так, как рассказала Василиса, – Льву жутко повезло, что та девчонка оказалась рядом. А моя жена... Получит за это.

Вижу нас в холле. Я стою у стойки, залипая в телефон. Маша копошится в сумочке, достаёт зеркальце и помаду, начиная подкрашивать губы. В этот момент в кадре появляются Василиса и Лев. И, как назло, сын завернут в полотенце. Но он не выглядит покалеченным. Улыбается, хохочет, а маленькие пальчики переплетены с аккуратной ладонью девушки.

Малыш, увидев меня, тянется и просится на ручки. Но Маша быстро перехватывает его, говоря, что он мокрый. И, прижав к себе, уходит с ним в раздевалку. И хоть полотенце прикрывает спину, моя жена кладёт на неё ладонь. И Огонёк никак не реагирует.

Проклятье. Этот Огонёк прицепился и ко мне!

Мой испепеляющий взгляд летит на жену. Маша белеет, краснеет и теряется. И даже отступает назад.

– Может, ему тогда не больно было? Не знаю... Мы только зашли в раздевалку, как он тут же захныкал.

Ладони рефлекторно превращаются в кулаки.

У меня есть принцип. Женщин я не быю. И женщина, подарившая мне сына, – ещё более драгоценна, чем остальные. Но. Не сейчас. Буря из всевозможных эмоций разрастается,

превращается в хаос. Я сдерживаю порыв, чтобы не наброситься на Покровскую.

– А вдруг это несвежая запись?

– Кого ты хочешь выставить идиотом? Меня или себя?

Сегодня первый день, когда я посетил этот бассейн.

– Я ничего не делала! – взрывается и в своей манере топает ногой.

Вместе с этим дверь тренерской открывается, и в зале появляется Василиса.

Глава 6

Василиса

Судя по тому, что Маша громко плачет, а Покровский вместе с сыном широким шагом направляется на выход из зала, я вышла на самом горячем моменте.

– Заблокирую твои счета, – с яростью и сталью в голосе выплёвывает. – Останешься без денег и машины.

– Игорь! Ты не можешь! – закатывает самую настоящую истерику Покровская.

Мужчина не оборачивается. Уверенно идёт вперёд. И, несмотря на свою злость, помнит, что у Огонька болит спина. Держит бережно, аккуратно, и я немного успокаиваюсь.

Хоть один родитель у него нормальный...

– А кто будет Льва возить сюда?

Это всё, что её волнует?

Видимо, этим вопросом задаётся и Покровский, раз игнорирует её:

– Оставишь ключи от трёшки в центре, соберёшь свои шмотки и поедешь к своей маме.

Я должна испытывать к этой девушке жалость хотя бы из-за её крокодильих слёз, но... Не могу. Не после того, как увидела эти ужасные следы, оставленные собственной матерью.

Мало ей ещё досталось...

– Ты хочешь забрать у меня ребёнка?! Суд будет на моей

стороне, Игорь! Я – мать! И никакие деньги тебе не помогут!

Она топает ногой, звонко бьёт каблуком по плитке и внешне для нас всех поскальзывается. Директор только и успевает, что моргнуть, откинуть телефон в сторону. Машу клонит назад, и она с визгом падает в воду.

Покровский оборачивается, наблюдая за картиной, но не спешит помогать своей жене.

Как и я.

А что? Техника безопасности не соблюдена. Температура воды соответствует правилам, поэтому волноваться не о чем. Утонуть – не утонет, девочка взрослая. Или?..

Маша, выныривая, истошно орёт:

– Я плавать не умею!

Тяжело вздыхаю. Где в этот момент ходит наш русский кудрявый Олежка, притворяющийся итальянцем? Свинтил на обед, попросив меня подежурить вместо него. И мне ничего не остаётся, как подбежать к краю и прыгнуть вслед за неуклюжей Машей. Какая бы у меня ни была к ней неприязнь, это моя работа.

Обхватываю её за грудную клетку, держу на плаву. Она тут же машет руками, убирает свои тёмные волосы с лица и продолжает кричать:

– Да я ваш бассейн с лица земли сотру! Вы охренели здесь такие полы скользкие делать?! Игорюш, накажи их!

Боже, какая узколобость...

Подплываю вместе с ней к ступенькам. Маша, оттолкнув-

шпись от меня и даже не поблагодарив, забирается на бортик, отталкивая и директора, который пытается ей помочь и протянул руку. Выпрямившись, обхватывает себя руками и снова ведёт себя как ребёнок:

– Покровский, ты пожалеешь о том, что делаешь!

– Умойся, – бросает он равнодушно. Даже бровью не повёл, когда его жена упала и чуть не утонула. – Смотреть невозможно.

Он уходит, а Покровская закатывает очередную истерику. Семён Петрович пытается её успокоить, провожает в раздевалку и даже даёт форму нашего клуба, чтобы не сидела в мокром платье. А меня отправляет работать, пока «Игорюша» не передумал и не решил выкинуть меня отсюда. Приходится снова переодеться, повесить сушить свои мокрые велосипедки и топик.

Но и работать толком не могу. Весь день персонал и посетители, увидевшие эту картину, гудят о произошедшем. Ко мне все лезут, спрашивая детали. К вечеру я уже откровенно злюсь и отмахиваюсь. Шок от происходящего прошёл, и руки начали трястись. А тут ещё и они со своими допросами.

Никогда в подобной ситуации не была. И к концу рабочего дня так накручиваю себя, что звоню Валере и прошу зайти за мной, чтобы вместе пойти домой.

Ровно в семь, когда моя смена кончается, я выбегаю из комплекса. При виде своего парня мой пульс ускоряется, а я прыгаю на него. Утыкаюсь носом в его шею и втягиваю

сказочный аромат чистого тела. Знаю, что после тренировки он точно помылся...

– Эй-эй, ты чего, Васёнок? – смеётся Валера, опуская ладони на мою талию. – Какая-то ты сегодня любвеобильная. Чуть не утонула и начала ценить близких?

– Дурак, – выдыхаю ему в кожу. Тут же отстраняюсь и просто не могу отойти от него, крепко-крепко обнимая. Утыкаюсь щекой в твёрдый спортивный торс, а сама смотрю вперёд, на тонированный чёрный Рендж Ровер. Он вдруг мигает фарами, и я на секунду слепну. – Просто кое-что неприятное случилось.

– С тобой?

– Да.

– Говори, кого бить.

Он как всегда. В любой момент готов заступиться за меня, защитить. Достать свою битку, которую позаимствовал у бейсбольной команды и оставил себе. Им она незачем – всё равно в нашей стране этот вид спорта не так популярен. Поэтому его друг Лёша, с которым мы вместе учились в спортивной академии, почти ничего не потерял.

Он вон нам уже третий мяч рвёт! Совсем играть не умеет, и Валере придется покупать их за свой счёт. Не брать же деньги с родителей детей, которых он тренирует?

– Да никого не надо бить, – смеюсь. – Воин мой. Лучше купи мне мороженку.

Тоскливо как-то на душе.

– А как же наше правильное питание? – усмехается, и я чуть не закатываю глаза. Отлипаю от него, поправляю широкий пояс шортиков и гордо вздёргиваю носик.

– Считаю, сегодня можно немного согрешить. От одной вкусняшки мы не пострадаем. Или ты хочешь сказать, я потолстела?..

Стреляю в него недовольным взглядом.

А этот паршивец вновь хватает в свои тиски, ласково целует в губы.

– Ты? Не смеди меня. Ты идеальна.

Чуть не урчу, как настоящая кошечка.

– Тогда хочь два стаканчика.

– Как скажешь, – чмокает в носик. Отлипнув от меня, он берёт меня за ладонь, и мы переплетаем наши пальцы. Валера как всегда делится своим наушником. Он без музыки и наушников жить не может. И под тяжёлый рок, который я не люблю, но терплю ради таких милых моментов, бодро идём до магазина.

Не замечаю, как тема моих проблем плавно перетекает в историю Валеры. Хвастается своими пацанами, которых обучает.

О футболе он готов говорить вечно, поэтому даже не замечает, как в очередной раз, вместо того чтобы выслушать меня, рассказывает о своих подопечных.

Немного отвлекаюсь от сегодняшнего дня, но что-то всё равно тревожит.

Отойдя недалеко от комплекса и уже шагая по парку, невольно оборачиваюсь. Смотрю на парковку, где по-прежнему стоит Рендж Ровер с включёнными фарами. Не видела его у работы до этого дня. Может, кто-то новенький пришёл? Или ждёт свою вторую половинку с тренировок?

Ладно, неважно. Я напряжена, и у меня паранойя. Думаю, что где-то меня поджидает Маша. И только и мечтает, чтобы отомстить мне. Ведь сегодня подставить меня у неё не получилось.

Мало ли, что она учудит? Она способна даже Огонька расцарапать...

Надежда только на то, что теперь женщина поумерит свой пыл, лишившись денег. Хотя не факт... Может, Покровский быстро её простит, когда она перед ним на колени встанет и ширинку расстегнёт...

Но надеюсь, что у Льва адекватный отец. Хотя... Он же женился на такой. И даже ребёнка заделали.

Думаю об Огоньке, и снова сердце сжимается. Как он там? Всё ли хорошо? Не плачет ли? Получает ли внимание?

И главный вопрос – увидимся ли мы на следующем занятии?..

Глава 7

Василиса

– Нам повезло, что всё обошлось, – сурово произносит на следующий день Семён Петрович, на каждодневной планёрке. – Не успели и года проработать, уже бы закрылись. Испортили бы мою репутацию и закопали весь бизнес в могилу.

Он уже не похож на того потерявшегося мужчину, который истерично совал Покровскому телефон в лицо. К сожалению, только с подчинёнными он и может быть твёрд. Для клиентов готов согнуться так, что достанет до собственных бубенчиков.

Вчера Семён Петрович это и показал перед Покровским. Наш комплекс хоть и не элитный, но очень хорош. Цены высокие, однако и мы стараемся соответствовать. Немало обеспеченных людей приходят, в том числе и такие, как родители Огонька. Владельцы целых компаний с солидными нулями на счетах.

В другом филиале даже есть отдельный зал для знаменитостей, чтобы фанаты случайно не затоптали и дали спокойно поплавать.

Поэтому Семён Петрович боится. Особенно за этот комплекс, открытый чуть меньше полугода назад. Я попала сюда случайно, ни на что не надеясь. Но хороший опыт работы в разных местах и природное обаяние, о котором всегда твер-

дила моя родная сестра Милка, сделали своё дело.

– С этого дня будьте внимательнее. Нет – уволю. Разговоры у нас короткие.

Почему-то смотрит на меня.

– Второй косяк, Радова, с твоим участием за последние несколько дней. То ребёнок потеряется, то его же травмируют.

Значит, о том первом инциденте он уже тоже знает... Конечно, наверняка все камеры до дыр просмотрел.

– Мы ведь уже убедились, что там нет моей вины, – обхватив себя руками, снова начинаю защищаться.

– Да, но больше разбираться не буду, – угрожающе машет в мою сторону ладонью. – Последнее предупреждение. Можете идти работать.

Кривлю носиком и снова ловлю меланхоличное настроение. Желания работать нет, но я кое-как отвлекаюсь на малышей, коротая с ними время в бассейне. Мысли об Огоньке не утихают, и я постоянно думаю о том, чтобы взять у администраторов номер Покровского.

Но не решаюсь.

В конце адского рабочего дня выхожу из комплекса без сил. Валера пообещал зайти за мной, сказав, что немного задержится. И, чтобы не убиваться в стенах работы, плетусь к лавочке между деревьями перед парковкой.

Физической активности почти не было, но устала морально.

Вся эта ситуация так раздражает...

Для меня даже Рендж Ровер подозрительный. Он снова стоит на парковке в это позднее время с работающими фарами. Говорят, что даже у машин есть лица, свой характер. Так вот эта – очень злобная.

Кому принадлежит, интересно?

Время уже позднее – начало одиннадцатого. Последний посетитель ушёл двадцать минут назад, комплекс закрыт. Остались только охрана и уборщица. И я сомневаюсь, что кто-то из них ездит на подобном авто.

Словно слыша вопросы в моей голове, дверь автомобиля открывается. Я отвожу взгляд в сторону, чтобы не попасться на разглядывании. Но тут же возвращаю его обратно, боковым зрением замечая знакомую фигуру. Этот колючий ёжик на голове и острые скулы я теперь запомню навсегда. Как и те горящие диким пламенем глаза. Клянусь, я сгорела в них вчера, в бассейне, когда он обещал, что моя жизнь превратится в ад.

Я останавливаюсь, вцепившись пальцами в лямку рюкзака.

Он идёт ко мне.

Приехал так поздно ночью, чтобы что?..

Покровский ещё и вчера тут стоял! И фарами в глаза мне светил! Я точно помню выражение лица этой машины!

– Надеюсь, вы меня не преследуете? – начинаю издали, надеясь, что слова прозвучат как шутка. Но настроение у ме-

ня отвратительное, поэтому пошутить не получается.

– Зачем мне тебя преследовать? – летят его слова с на-
смешкой. Неформально, будто мы давно знакомы. Останав-
ливается в шаге от меня. Напряжение во всём теле растёт,
как и тревога.

Просто так два дня тут не торчат. И тем более в начале
одиннадцатого.

– Отомстить?

– Всё-таки есть за что?

– Мало ли что ваша жена ещё наплела про меня за эти
сутки.

– Много, – кивает, подтверждая мои опасения. Скрещи-
вает руки на груди, смотрит куда-то в сторону, даже не на
меня. – Услышав это, у тебя точно бы пошли мурашки по
всему телу. Там ареста лет на тридцать как минимум.

Нервно сглатываю.

Боже, я же просто тренер по грудничковому плаванию...
Куда ввязалась?

– Сам охренел, – следует после моего десятисекундного
молчания. Мозг долго переваривает информацию.

– Но вы же понимаете, что всё сказанное – ложь?

Он возвращает внимание на меня, смотря сверху вниз.
Разница в росте у нас небольшая, но мужчина всё равно за-
ставляет почувствовать себя тараканом под подошвой его
дорогих ботинок.

– Понимаю. Иначе бы сейчас ты уже сидела в полиции, а

не мило беседовала со мной.

– Совсем не мило, извините.

Снова эта усмешка.

– Как Огонёк? Простите, Лев.

Чёрт, пора перестать давать детям характеристику и прозвища. Но всё пошло от сестры. Она мою племяншку-сладкожежку Конфеткой зовёт. Вот я и привыкла.

– В порядке, уже прошло. Но большой стресс. Особенно сейчас, когда Маша временно... Уехала.

Я слышала, что он говорил ей вчера. И в этой ситуации больше всего жалко именно Лёву. Какая бы мать ни была... Она – мама. Та, кто носила его девять месяцев под сердцем, отдавала частичку себя. А потом дала ему жизнь. Кормила по часам, не спала ночами, учила ходить. Оберегала от розеток, всех колющих предметов и уголков столов. Всегда была рядом. А тут... Оборвалось.

Малыш будет её искать.

Стоило, может, подобрать другой метод наказания...

– Я так понимаю, в будущем вы больше не приведёте его к нам?

Как подумаю, что больше не увижу его, – сердце сковывает. С Огоньком мы занимаемся давно. Больше полугода. Покровская принесла его к нам в пять или шесть месяцев для укрепления детского тельца. Он полностью здоров, и недавно я начала задумываться, что ему и вовсе это не надо, хоть и полезно.

Дети мимо меня приходят и уходят. Привязываешься к каждому – и потом с грустью прощаешься.

Лев не исключение. Но с ним... Как-то всё по-другому.

Маша как-то обмолвилась, что он ленивый. Или поздний. Даже отстающий в развитии... Малыш не хотел ползать на четвереньках. Сидел, плакал и ждал, когда его возьмут на руки. Но всё было не так. Огонёк – тот ещё шаловливый мальчик, ползал так, что за ним фиг угонишься.

А все его манипуляции – не более, чем повод привлечь к себе внимание.

Порой наши занятия выходили за рамки бассейна, и я немного занималась с ним. Учился ходить, пока я держала его за обе руки. Самостоятельно пока не умеет, но... Старается, падая на попку и радостно смеясь.

Способный, однако сложилось ощущение, что никто им не занимался. Что уж говорить, я, кажется, научила играть его в «ладушки». Показывая ему в первый раз и думая, что он уже умеет это делать, смотрела в огромные и удивлённые глаза мальчика.

– Бойтесь потерять клиента? – на секунду мне слышится презрение в этих словах.

– Я думаю не только о деньгах, в отличие от некоторых. Его тон немного кольнул.

– Посмотрим, – всё ещё сверля меня серыми глазами, продолжает Покровский. Больше ничего не спрашивает, не говорит. Только сканирует. Теряюсь на несколько секунд, буд-

то выпадая из реальности.

– А зачем вы здесь? – решаю всё же спросить. – Так поздно.

Не говорю о вчерашнем визите. Мало ли я накручиваю? Он мог разговаривать с директором.

– Приехал поблагодарить.

– Я ничего не сделала для благодарностей. – Посматриваю на фонарь за спиной мужчины. Не могу так долго смотреть в его ледяные, почти бездушные глаза. Не могу понять, что это за человек. Цвет обычно подсказывает мне характер. Это просто наблюдение, не основанное на каких-то научных статьях или фактах. Жизненный опыт.

И по серым... не угадаешь. Никогда.

– Всего лишь выполняла свою работу.

– Неплохо выполняла, – краем вижу его приподнятые уголки. – Ты даже прыгнула за Машей в воду. После того, что она сделала.

– А не должна была? – недоумеваю, склоняю голову набок. – Или нужно было смотреть на то, как она задыхается?

– Драматизируешь. Но ладно, не буду тебя задерживать, – произносит и лезет в задний карман брюк.

– Ничего, я всё равно жду своего парня.

Не знаю, что такого он нащупывает, но с его лица пропадает даже тень улыбки. Желваки гуляют по острым скулам, и я залипаю на этом. Станный интерес, однако это красиво. Особенно на физиономии Покровского.

Он внезапно хватает меня за ладонь, вытягивает вперёд и опускает в неё целую пачку пятидесятирублевых купюр.

Ээээ...

– Купишь что-нибудь, – холодно проговаривает. – Себе и своему парню.

Он серьёзно?..

– Нет уж, – пытаюсь вернуть обратно, хватая за запястье. Делаю это так резко, что лямка рюкзака соскальзывает с плеча и падает на пыльный асфальт, к моим кроссовкам. Он чего вообще творит?! – Мне чужого не надо! Особенно за такую мелочь! Заберите!

– Жизнь моего ребёнка – мелочь?

– Драматизируете! – цитирую его в ответ.

– А ты не ломайся, – выплёвывает. – Я что? Непонятно выразился? Бери.

– А я вам не жена и не подчинённая, чтобы вы мной командовали, – цежу сквозь зубы.

Да блин! Для меня это оскорбление! И вообще ненормально!

Даже если бы он дал мне их со словами о моральной компенсации – всё равно не взяла бы!

– Ты совсем дура? Для тебя это лёгкие деньги.

– Мне они не нужны. Лучше заработаю сама, честным и непосильным трудом.

– В наше время? Я знаю только один честный труд: ТАКИЕ деньги ты поднимешь только в проституции.

– Обойдусь как-нибудь без этого.

Волна раздражения подкатывает к горлу, и я уже с трудом сдерживаю свои эмоции.

Бесит, козёл.

– Зря, – пожимает плечами. – Я бы задумался на твоём месте. Такой кадр пропадает.

Его жадный и в то же время насмешливый взгляд скользит по моему телу.

– Если решишься – позвони. Подскажу, к кому сходить.

Глаза на лоб лезут, а губы приоткрываются от возмущения.

Я сама не замечаю, как моя ладонь летит к лицу Покровского. Соскальзывает с острых скул, которыми, казалось бы, режусь. Удар выходит слабый, и я бешусь от этого.

Сильнее надо было бить!

– Вы в своём уме такое предлагать? У меня парень есть!

– То есть, если бы не было – пошла?

Опять делаю раньше, чем думаю.

Нервы последние дни на пределе. И тело само реагирует на сигналы мозга. Вторая пощёчина выходит сильнее, аж пальцы горят.

Но делаю этим только хуже.

Вижу, как пачка денег падает на асфальт, к моему рюкзаку, с глухим звуком.

Рефлекторно делаю шаг назад. Но это не помогает спастись. Вижу взмах ладони и зажмуриваюсь, ожидая боли.

Она есть. Но не в лице, как ожидалось. А в запястье, за которое он схватил меня.

Рывок! И я спотыкаюсь о камешек, вбиваюсь в твёрдое тело наглеца. Распахиваю глаза, пытаюсь вырвать руку. И после безуспешной попытки, поднимая голову, разъярённо шепчу:

– Я сейчас ещё раз ударю.

Почему предупреждаю, а не бью сразу?

Надеюсь на его благоразумие?

Зря, дура. Его, если оно и есть, он не покажет. Зачем? Для него это веселье, повод повеселиться над обычными людьми. Он просто мстит! Жил всё это время слепой, не видя в своей идеальной жене изъянов.

А тут... Очки разбились.

Вот и забавляется.

Мало ли что у него в голове?

Не шевелюсь, ожидая чего угодно. Даже не осматриваюсь в поисках Валеры, который должен вот-вот подойти. Боюсь потерять бдительность.

А мужчина выжидает. Испытывает мои нервы на прочность. И словно сдерживается, раздумывая: ударить меня или нет.

Не ожидаю того, что происходит...

Покровский второй ладонью обхватывает шею, больно врезаясь пальцами в кожу. Один рывок, и требовательные, грубые губы накрывают мои. Мозг на секунду отключается,

как и фонарь за его спиной, будто охреневая вместе со мной.

Либо в траве, либо в моей голове кричат сверчки.

Дёргаюсь, пытаюсь вырваться. А Покровский только сильнее вжимает свои пальцы в мою шею, вырывая из горла болезненный стон. Он врывается в мой рот языком, вызывая страх и неприязнь.

Впанике наступаю пяткой ему на ногу. И если это помогает ослабить хватку на запястье, то поцелуй мужчина разрывает медленно, неохотно.

Распахивает резко глаза. Взмахивает ресницами, словно стреляя и запуская мне пулю в лоб.

А глаза... Горят ещё сильнее.

– Скотина, – вырывается из горла. Выдёргиваю руку, и плевать, что больно. Поднимаю свой рюкзак, демонстративно вытираю губы от его слюней и плююсь. А Покровского это не оскорбляет. Наоборот, усмехается, поглядывая на деньги у его ног.

– Рад был познакомиться, – отвечает на мои слова.

– Да пошёл ты, – выплёвываю. И пока этому ненормальному ничего больше не пришло в голову – срываюсь с места. На бегу достаю телефон, желая как можно скорее позвонить Валере и сказать, что буду ждать его не у комплекса, а у продуктового круглосуточного магазина.

Осталось только убрать дрожь в голосе и во всём теле...

Глава 8

Игорь

Смотрю вслед убегающей девчонке. Радова Василиса Юрьевна. Двадцать четыре года. Окончила спортивную академию и несколько курсов по грудничковому плаванию. Работала в шести бассейнах, и этот – последний. Мать – учителька, отец – пожарный. Есть сестра, но о ней Кирилл ничего толком не нашёл.

Зато по её парню... Много чего. Но он мне не интересен. Я вчера видел его вживую. Приехал поблагодарить девчонку, но так и не вышел из автомобиля. Увидел милую парочку. Не стал разрушать идиллию. Но очень хотелось. Появиться, обнять её на его глазах. Увидеть искорку ревности и недоверия. Сдержался. Продолжил наблюдать.

Не понимал своего интереса к ней.

И теперь ещё больше задаюсь этим вопросом, смотря на пачку денег у моих ног.

Некоторые бабы – всё же дуры. Даёшь – не берут.

В этом плане мне понравилась Машка в своё время. Не ломается и принимает всё, что ей дают. Но это и сыграло с нами злую шутку. Лев нервный, заплаканный и боится смотреть на родную мать. Надеюсь, эта дура поймёт свою ошибку и исправится. Моему сыну нужна полноценная семья. И мама.

И думаю я почему-то сейчас не о Маше. А о девушке, скрывающейся за поворотом.

Удивляюсь самому себе. С чего я захотел её поцеловать?

Не знаю. Хватаюсь за челюсти, разминая. Было не больно, но это как-то... Взбодрило. Подогрело интерес. Немного взбесило, отчего я и поцеловал её.

Это не первая моя пощёчина, но... Забавно.

Вспоминаю, и смешок из горла неосознанно вырывается.

Давно такого не было. Отпора и сопротивления.

Маша всегда покладиста, держит язык за зубами. Но это я её приучил: слишком много она говорила.

Соскучился по этому противостоянию.

Но с женой его не хочется. А гонор Василисы... Мне понравился. Заставила меня пробудить инстинкты. Прошлые замашки, когда хотелось до безумия желанную самку. Дрался за неё, охотился. А потом подавлял её, подмяв под себя.

Поднимаю пачку денег с земли, возвращаюсь в салон авто и снова разминая челюсти с каким-то восторженным чувством. Второй раз ударила она посильнее, где-то нашла силы.

Чёрт, я обязан ей ответить. Не грубой силой. Но тем, что вдоволь её ударит морально.

Подумаю об этом дома перед сном.

А пока завожу мотор, трогаюсь с места и смотрю на время. Лев остался с няней, и мне нужно вернуться домой до двенадцати. Вдруг проснётся, а меня нет рядом? Благо Зинаида Алексеевна оказалась благоразумной женщиной и не

ушла до тех пор, пока я не припарковал тачку и не переступил порог двухэтажного особняка.

– Я его покормила, – говорит в коридоре и надевает на себя идиотскую шляпу. – Может проснуться ночью, попросить попить.

Уверенно киваю. Это без проблем – я и так часто вставал по ночам, чтобы сделать смесь или попоить его. Прошлой ночью делать это и пришлось.

– Я приду завтра к девяти.

– К восьми. – Подкидываю ключи от машины и ловлю их. На нервах, твою мать. Из-за того, что Машка временно отстранена от материнских обязанностей, с сыном я буду один. Справлюсь, но первое время будут трудности. А у меня работа. И одна несносная девица, которая не угодила нашей семье. Но Огоньку очень понравилась, раз тот спокойно сидит у неё на руках и улыбается.

Огонёк... Всё же очень подходящее прозвище для сына.

– Вы меня совсем не жалеете, – плачет она. – Хорошо, я постараюсь.

Сколько геморроя теперь из-за этой маленькой мерзости! По-другому жену свою назвать не могу.

Подкинула мне проблем. Мне теперь нужна круглосуточная няня, но я на дух не переношу чужих людей в своём доме. С трудом терплю Зинаиду. Но без неё никак. Иногда нужно отъехать, а Льва брать с собой – только стрессом его обеспечивать.

А теперь это.

Я свихнусь окончательно.

– До завтра. – Убираю связку ключей в карман брюк и бегу в спальню. Быстро приняв душ, всё же не сдерживаюсь и захожу в соседнюю комнату – временную детскую сына. Вчера поставили здесь кроватку, чтобы мне было недалеко бежать в случае чего. Проверяю исправность радионяни. Если заплачет – тут же примчусь.

Тихо подхожу к кроватке и улыбаюсь, заведев свою кроху. Безмятежно сопит на спинке, сомкнув ладошки в кулачки. Хочется дотронуться до его маленьких пальчиков, почувствовать, как он обхватывает мою фалангу, но торможу себя.

Проснётся – придётся укладывать самому. А я тот ещё отец года... Никакой. Хотел бы больше проводить с ним времени, но то работа, то ещё какая-то херня. Зато теперь будем чаще видеться. Если раньше доверял его родной матери, то теперь вообще никому. Раз даже эта кукушка тронулась мозгами.

Но маму не выбирают, да, сынок?

Жену я тоже такую скотскую не сам выбирал. Сам виноват, Покровский. Будет тебе уроком.

Но плевать. У меня всё равно есть эта лапочка...

Тяжело вздыхаю и делаю шаг назад.

Точно не сдержусь, поцелую его и разбужу.

Запускаю пятерню во влажные волосы и привожу себя в чувства.

Тяжёлый денёк, а завтрашний обещает быть ещё хуже.

Ложусь спать, но не засыпаю. Смотрю в потолок, подложив ладони под голову. И думаю о темноволосой девчонке с карими глазами, пропитанными дерзостью и решительностью. Воспроизвожу в голове каждую черточку её равнодушного лица и аккуратного носика, который она кривит, когда ей что-то не нравится. Со мной Василиса часто морщится. Наша семья ей не по душе.

А она вот мне – очень даже.

– Василиса-Василиса, – шепчу вслух, смакуя её имя на языке. – Что же с тобой делать?

Глава 9

– Не забудь, что Алевтина Тимофеевна попросила тебя заехать к ней, – буднично произношу, пока вспоминаю о просьбе мамы Валеры. Смотрю на себя в отражении зеркала, прохожусь бальзамом по сухим губам. И тут же веду по ним ладонью, вспоминая ту ночь несколько дней назад и вытирая чужие слюни.

Жест выходит машинально, будто снова ощущаю вкус Покровского.

Что за урод, а?

Несколько дней бешусь от того, что он сделал.

Заставляет меня испытывать муки совести.

Я ничего и никогда не скрывала от Валеры. Всё рассказывала, делилась переживаниями. У нас нет секретов, кроме одного, который никогда ему не расскажу. Но он был единственным. И я хотела, чтобы таким он и остался.

А теперь в копилочку добавилась ещё одна тайна – принудительный поцелуй.

Хотелось бы пожаловаться, но понимаю, что ничего не сделаешь. Валера вообще не ревнивый, но представляю, что он будет чувствовать, когда скажу ему, что какой-то мужик поцеловал меня.

Не могу. Не хочу расстраивать его и тем более акцентировать на этом внимание. Для Покровского это мимолётное

развлечение, а для нас с Валерой вечный груз на плечах.

И плевать, что я буду хранить это в себе. Надеюсь, что быстро забуду об этом, стоит только Игорю убраться из моей жизни. Я и так больше его не увижу. Ксюша, второй администратор, сообщила, что тренировки у Льва были отменены. Поэтому в ближайшее время мы точно не увидимся. Это радует и одновременно огорчает.

Огонёк... При воспоминании о мальчике желудок сковывает, будто выворачивает.

Прошло несколько дней... Как он там без мамы? Всё ли с ним хорошо? Уделяет ли ему Покровский должное внимание, как отец?

– Блин, точно, – слышится от сони, который проснулся только десять минут назад. У него занятия в клубе начинаются позже, поэтому я всегда ухожу из дома первая. – Заеду после работы.

Смотрю на парня в отражении и не могу сдержать смех. Он такой забавный, когда только проснулся. Растрёпанный, в одних трусах, трёт себе глаза.

– Боюсь, как бы остаться не пришлось с ночёвкой.

– Без проблем, – отвечаю легко и закидываю бальзам для губ в рюкзак. То, что Валера не будет ночевать дома, меня не волнует. Я не беспокоюсь, что у него завёлся кто-то другой. У нас хорошие и доверительные отношения. Мы вместе давно, знаем друг друга наизусть.

Поворачиваюсь к соне, без труда дотягиваюсь до его ма-

кушки и приглаживаю растрёпанные волосы.

– Я погладила тебе футболку, повесила в шкафу.

– Хорошо.

– Сейчас говоришь мне «хорошо», а потом мятую наде-
нешь...

– Да ты мне потом весь мозг съешь, если узнаешь.

Улыбаюсь. А что, я зря стараюсь, когда вечерами стою у
гладильной доски?

– Завтрак на столе.

– Ключи на тумбочке, ложка упала за неё же, – закатывает
глаза. – Иди уже, мамочка. Без тебя слюни подотру.

Он щёлкает меня по носу, а я в ответ бью его в плечо.

Кто тут мамочка?!

– Не ходи поздно ночью по переулкам, – заботливо даёт
наставления.

– У меня сегодня работа до четырёх, – показываю ему
язык. – А потом домой, смотреть сериалы и есть.

– Ах ты... – отрывается от стены, а я уже спешу на выход.

В хорошем расположении духа добираюсь до работы. Благо
здесь недалеко: пятнадцать минут быстрой ходьбы. Насла-
ждаюсь погодой, летним свежим воздухом и пением птиц.

Сейчас у меня будет маленькая пятимесячная малышка...
первое занятие. Каждый раз волнуюсь перед новыми детьми.
Смогу ли найти подход? Понравится ли родителям, а, глав-
ное, малышу?

Даже после стольких лет практики.

У комплекса взгляд машинально пробегается по парковке. Я делаю это каждый день, чтобы удостовериться, что Покровского здесь нет.

Ещё одно спокойное утро...

Забегаю в помещение, перекидываюсь парочкой фраз с Ксюшей и беру ключи от раздевалки и тренерской. Ничего нового, всё делаю по плану. Провожу первое занятие с новой девочкой Настей, рассказываю её родителям теорию.

В таком темпе провожу ещё два занятия, и счастливая впервые за день выхожу из зала с бассейном.

Надо бы купить перекусить. Но сначала переодеться.

Отличный план!

Только...

– Вась, ты слышала? – по коридору бежит обеспокоенная Ксюша, а за ней Олег.

Это что ещё за сборы?

Только сюрпризов очередных нам не хватало.

– Что слышала? – Неосознанно зеваю и потягиваюсь на месте, вытягивая руки вверх и делая неглубокие наклоны. – Я, как медведь, выхожу только на обед, как он – весной. Так что там?

– У нас сменился владелец! – восклицает девушка.

Руки, тянущиеся только что к потолку, опускаются и падают плетьюми вдоль тела.

– В смысле?..

Разве Петрович что-то говорил об этом?

– Семён Петрович, оказывается, вчера передал документы новому владельцу. Быстренько же он нас продал... Видимо, кто-то хорошую сумму предложил.

Ничего не понимаю. С чего такая срочность? Неужели слился из-за Покровского? Забоюсь, что тот всё же напряжётся и закроет нас к чёртовой матери? Косяков много, уже два: пропажа ребёнка и травма. Ему же.

Хотя он осознал, что в этом виновата его жена... Я не могу быть уверена в его благоразумии. Особенно после того спонтанного поцелуя.

Передёргиваю плечами, застёгиваю из-за нервов кофту. Мне плевать, кто директор, главное, чтобы он вдруг не решил поменять персонал. Вот это меня беспокоит сильнее всего...

– Или зассал того бизнесмена. Ну, который из-за шкета мелкого вой поднял, – смеётся Олег, а затем метает острый взгляд на меня. – Накуролесила же ты, Василиска.

– Заткнись, патлатый, – вырывается очередная грубость в сторону этого идиота. Бесит он меня нереально. Знает, что я ни в чём не виновата, но всех собак спускает на меня.

– Злюка, – улыбается и проходит мимо меня.

В каком-то подвешенном состоянии переодеваюсь, бреду в магазин и с пропавшим аппетитом возвращаюсь обратно.

Слишком много всего происходит за какую-то последнюю неделю... Ни дня без новостей!

При возвращении стойка администрации пуста. Стран-

но... Ксюша даже не попросила никого заменить её? Направляюсь по коридору, просматривая раздевалки и залы. Ни одного тренера в общих бассейнах! Что за безответственность? А если у плавающего ногу сведёт? Или кто-то сознание теряет?

– Василиса! – оборачиваюсь на голос Ксюши. И где была? Хочу вставить ей знатных люлей, но не успеваю. – Нашла! Ты где была?

– Так в магазин ходила, – демонстрирую ей баночку йогурта. – У меня обед.

– Нашла время, блин... Там владелец новый приехал.

Не знаю, что сказать. Перемены не всегда хороши. И тем более те, что связаны с работой.

– Пойдём, чего встала? – тормошит меня за руку.

В растерянности иду за Ксюшей, не зная, что и думать.

Предчувствие нехорошее.

Мы заходим в просторное помещение, в котором обычно проводятся тренировки. Нас сегодня на смене пять человек, и мы с Ксюшей приходим последние. Пока не вижу нового владельца, но стоит обойти Олега, как я врастаю в пол.

Ноги не шевелятся, а йогурт чуть не выпадает у меня из пальцев.

Уверена, моё лицо сейчас выдаёт глубочайший шок.

Потому что там, сидя на столе, располагается Покровский. Уверенный в себе, словно хозяин этой жизни, явно без разрешения взял фирменную ручку Петровича и вырисовы-

вает что-то на листке. Поднимает холодный и укоризненный взгляд на нас. Откладывает ручку и, скрестив руки на груди, недовольно прожигает насквозь глазами.

Не Ксюшу, пришедшую вместе со мной. А меня.

Только не говорите мне, что это правда... Владелец у бассейна сменился, и человек передо мной...

Наш новый босс?

Глава 10

Василиса

– Почему не на рабочем месте? – со сталью в голосе спрашивает Покровский. Его вопрос настолько холодный, будто в меня метают острую льдину. Или сосульку. Прилетает прямо в горло, потому что я теряюсь и не знаю, что сказать.

Пребываю в замешательстве, всё ещё не веря, что он сделал это. Купил наш бассейн.

Ради чего?

– И? Что молчим?

Говорит так, будто это не он недавно предлагал мне деньги и целовал у входа поздно ночью под фонарём.

– У меня обед, – наконец-то прочищаю горло, но всё равно слова выходят хрипло. – Отходила в магазин.

Он странно качает головой и многозначительно хмыкает.

– В вашем графике этого не написано.

– Мы сами выбираем себе время...

– Отлично. Пересмотрим.

Мне уже всё это не нравится, что я и демонстрирую, скрепив руки на груди. Однако так мне на самом деле безопаснее. Я переоделась, когда ходила в магазин. И стоять в топике перед ним не хочу. Вдруг опять, как плебей, набросится?

– Потом. Начнём с нашего знакомства. Меня зовут Покровский Игорь Викторович, и с этого дня я новый владелец

«Искры».

Ксюша рядом слишком заметно глотает ртом воздух.

Ах, точно... Она ведь впервые видит того самого Покровского, из-за которого здесь несколько дней все стояли на головах. Остальные тоже сильно удивлены, а я вот не очень. И почему-то вся свора поворачивает голову в мою сторону, будто ожидая что-то.

А я что? Мысленно пишу заявление об увольнении.

Хреново на душе от этой мысли.

И я до последнего надеюсь, что подобного не случится.

– Это мой первый опыт в этой сфере, – продолжает, не смотря на нас. Занимается своими делами: всё что-то пишет на листке. – До этого я занимался другим бизнесом, но решил попробовать что-то новое.

Вот так внезапно?

– По этому случаю в течение двух недель из всех вас я выберу себе помощника.

– О-о-о-о, – завывает Олег. – Надеюсь, дискриминации по полу не будет? Сами понимаете, какие у нас тут девочки работают. Никакой мужик им...

Этот бабник-идиот стреляет взглядом на Вику, ещё одного инструктора. Она обычно занимается с подростковой группой.

– Я разве давал тебе слово говорить? – мужчина перебивает его, не дав договорить. – Имя?

Я невольно сглатываю, ощущая, как атмосфера в комнате

становится тяжелее. Отец Огонька надевает маску того, кого я видела в тот день, когда его сына травмировали. С серыми непоколебимыми глазами, холодным, почти ледяным тоном и лицом-кирпичом. И только острые скулы выдают его недоброжелательство и гнев от плотно сжатых челюстей.

Ненавижу Игоря всей душой, но ставлю ему плюстик за то, что не намерен терпеть длинный язык патлатого.

– Олег. Извините, – цедит сквозь зубы наш Казанова. Давно бы его выгнала. Лезет иногда к гостям. К сестре моей подкатывал, патлатый урод.

– Только на первый раз. Вернёмся к разговору. Хорошенько потрудитесь эти две недели. Помимо должности, вырастет зарплата и моё уважение к вам. Всех лоботрясов заменю. И любителей обедать по два часа тоже.

Чувствую себя как в школе. Когда при всём классе тебя отчитывают за твою ошибку. И хоть он не указывает прямо на меня, все всё поняли. Но это же несправедливо! У меня было личное и свободное время! Оно никак не пишется в графике. Не сидеть же мне по три часа в детском зале, когда никого нет?

Чёрт, я ненавижу Петровича.

Зачем он вообще продал ему «Искру»?

– У вас есть рабочая форма? – вдруг спрашивает у Ксюши, испытывая её нервную систему. Сейчас по всему пройдёт, да? – Администратор?

– Ксюша. Есть, – неуверенно кивает. – Синие комбинезо-

ны.

Новый босс нас изучает. А меня без стеснения “облизывает” с головы до ног. И прикрывается ведь рабочим моментом! Вспоминает мой купальник? И к нему придерётся? Я хожу не в комбинезоне, а обычном слитном купальнике с логотипом бассейна. И он тоже разрешён!

Если не уволюсь – больше никогда в жизни его не надену. Как и облегающие вещи. Буду ходить в бабушкиных платьях, а не в удобных и практичных велосипедках и топиках, лишь бы меня не пожарили ТАК.

– С тобой всё ясно, – отмахивается от меня, а затем переключает внимание на многострадального Олега. – Ты?

Вот у него проблемы. Он щеголяет по залу в одних плавках чуть выше колена и без майки. Только сейчас надел её для приличия. А про цветные плавки я промолчу. Он у нас любит эпатаж... Ещё и косит под иностранца постоянно. Ненормальный.

– Олег. Форма в стирке.

– Ответ взрослого человека, – цедит сквозь зубы. – Чтобы завтра был одет по правилам. Всех касается. Чуть позже познакомлюсь с остальными, а пока возвращайтесь к работе.

Хочу выдохнуть от того, что всё закончилось. Находиться нам в одном кабинете практически невозможно. Он раздражает меня одной физиономией. Как вспомню, что он сделал... Кулаки чешутся.

Все идут на выход, и я спешу за ними в надежде свалить

незамеченной.

Но зря я рассчитывала выйти сухой из воды при условиях моей работы...

– Василиса, – доносится требовательный голос. – А ты останься.

Глава 11

Василиса

Конечно! Разве могло быть по-другому?

Я бы послала его в пешее эротическое, но раз он теперь мой новый начальник... Я не могу. Пока что. Мне нужно будет с кем-то посоветоваться, прежде чем уволиться. Узнать, правильно ли я поступаю? А вдруг он окажется нормальным, и я смогу продолжить работать?

Мечты!

Останавливаюсь, отхожу в сторону, дожидаясь, когда все уйдут. Делают они это так быстро, что я и прийти в себя не успеваю. Чтобы занять пальцы, теребящие бутылку йогурта, я невежливо и на глазах у начальства делаю глоток.

– Приятного аппетита, – слышится насмешливо, сразу после того, как Ксюша закрывает за собой дверь. Хотя я молила её взглядом оставить ту открытой, но моего намёка она не поняла.

– Извините, – говорю с неявной иронией. – Не успела победать. Начальник новый – тиран жуткий.

– Извиняю, – тон его меняется на более холодный, и он спрыгивает со стола. – Как давно здесь работаешь?

Ар-р-р! Как же не хочется отвечать!

– Меньше года.

– Вас восемь человек, верно?

– Да, как и написано в документах, которые вы явно прочитали.

– Расскажи что-нибудь о них. О себе.

Он надвигается на меня, а я снова делаю глоток йогурта.

– Нагло, – хмыкает мужчина, остановившись в шаге от меня.

Знаю. А чего он ожидал от меня? Уважения? После того, как, не спрашивая, поцеловал меня в губы?

– Если вы желаете больше узнать о наших тренерах... Лучше спросить у Ксюши.

– С моей стороны будет непрофессионально отрывать единственного админа от работы. Кто её заменит? Никто. А у тебя обед.

Он поднимает свою ладонь, тянет её к моему лицу. Но я не успеваю увернуться, как Покровский проходится большим пальцем по уголку губ. Обжигает касанием. Я даже не успеваю его ударить – он тут же отворачивается, направляясь к столу. Берёт с него сухие салфетки, вытирает ладонь.

– Ну? Чего замолчала?

Я всё ещё в шоке и не знаю, что сказать.

– Что именно вы хотите знать? – Закручиваю крышку на бутылке и убираю её вместе с руками за спину. Пить больше не буду: вдруг решит ещё чего мне вытереть...

Однако этот жест внезапный и выбивающий из равновесия.

– От тебя меня интересует атмосфера в коллективе. Друж-

ные ли вы? Кого недолюбливают?

Не знаю, зачем ему это, но рассказываю. Не замечаю, как присаживаюсь на стол так же, как сидел до этого Покровский. А он начинает ходить из стороны в сторону, внимательно меня слушая и проходя мимо.

На секунду мне кажется, что он правда заинтересован.

Конечно, заинтересован, Вась, ты о чём?

Или ты думала, Покровский купил бассейн лишь для того, чтобы тебе отомстить? Наивная глупая дура.

Включаю профессионализм, пытаюсь отодвинуть всю личную неприязнь. Говорить становится легче, и я даже забываю, с кем общаюсь. Но всё равно посреди диалога, когда он проходит мимо меня, я неосознанно выпаливаю:

– Как там Лев?

Босс останавливается, смотрит с интересом, вопросительно.

Делает шаг вперёд. Встаёт между моих ног, не давая сомкнуть их. Наклоняется в мою сторону, я рефлекторно пячусь назад, отодвигаясь.

Но его рука обхватывает мою талию и дёргает на себя. Попой проезжаю по скользкой парте, вжимаясь в его тело. Успеваю выставить руки вперёд, поэтому пальцами утыкаюсь в его плечи и с силой сжимаю от злости.

Да что он себе позволяет?!

Хочу это спросить и ощущаю горячее дыхание на своих губах.

Сердце начинает стучать быстрее.

Не понимаю, почему его действия такие волнительные.

Я не девственница, у меня есть парень, и я не обделена его лаской. Но... не такой. Не пропитанной химией от мужчины. Вокруг всё не искрится. Покровский лишь стоит рядом, а воздух наполняется тяжестью и феромонами, исходящими от Игоря.

Валера... У нас нет таких моментов. Если кто-то испачкался – кидаем друг в друга салфеткой. А не стирает пальцем. И тем более... Здесь всё по-другому.

И я пугаюсь от того, как тело сковывает, а дыхание учащается. От гнева. От смятения. От всего-всего-всего.

Почему-то даже руки не шевелятся. Я не могу его оттолкнуть. Не могу ударить по лицу. Молча смотрю за тем, как его губы изгибаются в улыбке.

– Никак не могу понять, почему ты так беспокоишься за чужого ребёнка. Но это довольно мило. На секунду я растрогался.

– Поздравляю, – шепчу в смятении. – Вам, босс, не кажется, что вы перешли черту?

– Босс, – усмехается. – Меня заводит. Продолжай.

Сглатываю от нервов. И всеми силами желаю увидеть того ледяного айсберга-Покровского, который только недавно отчитывал Олега. А нет его. Вместо него – горящий огонь, сжигающий своими касаниями.

Это ненормально!

Толкаюсь, пытаюсь вырваться. В этот раз он отпускает, будто играясь со мной в кошки-мышки. Я спрыгиваю со стола, хватаю свой многострадальный йогурт и эмоционально вместе с ним жестикулирую, крича:

– Зачем вы это делаете, а? Поглумиться решили? Для чего вам этот бассейн? Для работы? Так работайте, прошу, оставьте меня в покое. Я переживаю за вашего сына и не преследую никаких целей. Мне просто жалко мальчика, потому что у него такие...

Я не замечаю, как сильно дёргаю рукой. И белый йогурт летит прямо в Покровского. Проходит полосой от ладони до лица. И я невольно прижимаю к себе бутылочку, не представляя, что только что наделала.

Глава 12

– Дико извиняюсь, – ставлю йогурт на стол и тихонько матерюсь себе под нос. Мало того, что Покровского облила, так и себе топик испачкала. Дура, блин! Силы, что ли, все пропали, когда Игоря увидела? Не могла нормально крышку закрыть?

Пытаюсь исправить ситуацию – подбегаю к столу и хватаю салфетки. Сначала вытираю руку и пытаюсь не смотреть на мужчину. Я ничего нового там не увижу. Только горящие глаза, искривлённую в гневе физиономию.

Поэтому на неё не смотрю. Но поднять взгляд всё же приходится, чтобы вытереть его лицо. Серые глаза врезаются в меня, словно тысяча игл.

– Не смотрите на меня так, – цежу и вытираю его щёки. – Сами виноваты. Нечего было ко мне лезть. Может, тогда бы я не так сильно размахивала руками, и...

Он перехватывает моё запястье на полуслове. Я успеваю вытереть совсем немного. Пройтись по щеке, губам. На них мужчина и хватает меня за руку.

– Жалко мальчика, потому что... Что? – спрашивает требовательно.

– Неважно. Отпустите, – дёргаю запястьем, а он только сильнее на нём пальцы смыкает.

– Начала, так продолжай. Жалко из-за родителей?

Закусываю губу. Уже жалею о своих словах. Я не хочу влезать в чью-то жизнь или как-то кого-то осуждать. У всех свои проблемы, свои способы воспитания детей. Я не одобряю насилие и грубое к ним отношение. И равнодушие. Остальное – плевать. Пусть делают, что хотят.

Я должна держать своё мнение при себе.

– С мамой ему не повезло, – всё же говорю то, что крутится у меня на языке.

– А с отцом? – усмехается. – Давай. Мне интересно услышать твоё мнение.

– Я не знаю, какой вы отец. Но как человек невыносимый. Упёртый, заносчивый и грубый. А ещё эгоист. Хотите, чтобы всё было по-вашему.

– Не отрицаю, – бесцветно кидает и вместе с тем отпускает мою руку. Отворачивается, вытирается салфетками сам. – Возвращайся к работе.

Не препятствую и делаю, как он говорит. Быстро удаляюсь, привожу в порядок свой топик и, переодевшись, возвращаюсь обратно на своё место – в детский бассейн. Веду несколько занятий и, как и сказала Валере, заканчиваю в четыре. С работы буквально вылетаю, чтобы больше не встретиться с Покровским.

Но уйти дальше выхода не успеваю. Останавливаюсь под крышей комплекса и чуть не вою. Дождь льёт, как из ведра! Проклятая погода и синоптики! Обещали солнечный день, а не грозу с молнией! Которых я боюсь. Обычно в такое время

отсживаюсь в комнате в наушниках и смотрю кино.

А если Валера рядом, то он накрывает меня пледом и суёт в рот семечки.

Чёрт! Что же так не везёт, а?

Разворачиваюсь и возвращаюсь в тренерскую. Благо все заняты, кроме Олега. Но тому до меня дела нет: переписывается со всякими девчонками в чатах.

Поэтому я тихонько сажусь за стол, засовываю наушники в уши и заполняю журнал.

И так увлекаюсь, что не сразу замечаю тень над собой. Вскинув взгляд, дёргаюсь.

Покровский! Спустился к обычным смертным!

Снимаю наушник и сразу слышу:

– У вас же рабочий день закончился.

– Вам не угодишь, – мягко улыбаюсь от того, что собираюсь подшутить над ним. – То вам обед мой долгий не нравится, то моя продуктивность вне рабочего времени...

– Похвально.

Блин, научился бы хвалить. Хоть бы мускул на лице дрогнул!

– Но не стоит перетруждаться. Езжайте домой.

– А Васька – ссыкуха, – вдруг говорит Олег. Мой недовольный взгляд летит в него. И я тут же вздрагиваю, когда даже в нашей каморке, где нет окон, только вентиляция, слышится гром. – Грозы боится. Вот и переживает.

Блин, как же плохо, когда все вокруг всё друг о друге зна-

ют! И не то чтобы я кричала об этом налево и направо, просто... это не первый случай. Я об этом Алине рассказывала, а этот говнюк мимо проходил и всё услышал.

– Не боюсь, – шиплю на него. – Просто решила заполнить журнал дежурств, который никто, кстати, не заполняет!

– Ага-ага, – всё ещё залипая в телефон, продолжает Олег. Отворачиваюсь, насупившись. Ладно, если бы мы общались между собой, но... Тут Покровский. Я не хочу, чтобы он что-то знал обо мне.

Вот не задалось у меня с ним!

– Ясно, – сухо отвечает Игорь после нашего диалога. – Вставай, подкину до дома.

Это он мне?

– Да не надо, я тут пережду. Поработаю немного.

Мило, конечно, но я уверена: он преследует свои цели.

– Хорош, не ломайся, – говорит довольно грубо. – Ты сама мне там характеристику давала. Упёртым назвала. Если поняла это уже – поехали. Мне всё равно по пути.

Как он резко изменился в характере!

– Может, не по пути.

– Я знаю, где ты живёшь.

– Откуда?!

– Я даже знаю, когда тебе делали все прививки. И ему, – указывает большим пальцем на Олега.

А, он изучал наши личные дела.

– Тебе, кстати, пора обновлять медицинскую справку.

Прошлая сгорела ещё месяц назад. Мало ли какие ты болячки мне в бассейн тащишь, – пренебрежительно обращается к парню.

– Босс, я чист, как девственно белый лист! Справку принесу на днях!

Ух, как Покровский поменял нрав нашего кудрявого ловеласа.

– Радова, поторапливайся.

Прокручиваю в голове очередной отказ. И понимаю, что какая бы у меня ни была причина... Он всё равно не отстанет. Скажу одно – ответит так, что мне всё равно придётся ехать с ним. Дерьмо.

Но ничего ведь не случится за пятнадцать минут? Я, вообще, сяду на заднее сиденье.

Точно! И быстрее окажусь дома. Завернусь в плед, включу любимый сериал и буду писать Валере. Интересно, он поел перед уходом?

Вздыхнув, собираю свои вещи и бегу за Покровским. На улице вся сжимаюсь и не от дождя, а от громких звуков. На секунду останавливаюсь под козырьком и не решаюсь идти дальше. А вот Игорь уже равнодушно выходит из укрытия, шагая до тонированного Рендж Ровера.

Перестаю дышать и бегу за ним.

Вдали мелькает молния, и я сглатываю.

Без паники! Это всего лишь молния! Она не ударит! Всего лишь сверкает!

Над головой внезапно гремит, и я тихонько пишу себе под нос.

Ненавижу эту слабость!

И за то, что настолько трусиха, что аж подбегаю к Покровскому и чуть не хватаю его за руку.

Тяжело дышу и считаю шаги до машины. Почему сегодня он припарковался так далеко?!

– Не думал, что всё так серьёзно, – насмешливо слышится со стороны мудака. Посматривает на меня через плечо. И неожиданно протягивает свою ладонь. – Если страшно, хватайся.

– Не буду, – говорю чисто из вредности.

– Как хочешь, – хмыкает и прячет руку в карман брюк.

Снова грохот над головой, и я подпрыгиваю, машинально преодолевая несчастные два шага до Игоря и хватаясь за его локоть.

Чёрт! Ненавижу непогоду! Лучше уж жара, чем это!

– Смотри не вывихни мне руку, – опять потешается надо мной, почувствовав, с какой силой сжимаю его.

Кусаю губы и ликую, когда мы доходим до его автомобиля. Я нагло подбегаю к задней двери, дёргаю за ручку, желая как можно скорее скрыться в тёмном и безопасном салоне.

А она не открывается!

– Ручка, что ли, сломана? – спрашиваю себя вслух. Дёргаю ещё раз.

И снова этот победный, на удивление, тёплый тон от По-

кровского:

– Вперёд садись. Там на ключ закрыто.

С разочарованием захлопываю дверь и сажусь вперёд.

Почему сегодня всё против меня?..

Глава 13

Игорь

– Хватит трястись, ты в машине, – смеюсь над девчонкой.

Ей так страшно, что она даже поехала со мной. И чего только боится? Гром не так страшен, а в основном дёргается от него. Пристёгивается и вжимается в дверцу тачки. Будь у неё ушки на макушке – прижала бы их, как испуганный котёнок.

– Я не трясусь.

– Вижу, – киваю на её мурашки и подрагивающие плечи.

– Это от ливня. Я без кофты, а там льёт как из ведра. Вот

и...

– Да-да-да, – говорю ей и завожу мотор. Вбиваю в навигатор адрес, пока Василиса двигает и губами и беззвучно молится. Забавная. – Давно у тебя это?

– Что? – спрашивает нагло.

Трогаюсь с места, включаю дворники и ругаюсь себе под нос на придурка, перекрывшего проезд.

– Твоя фобия.

– Да нет никакой фобии, – хмыкает, но при очередном громком звуке сжимает пальцы на ремне безопасности. И грозно кидает водителю на перекрёстке: – Да когда этот осёл уже уедет?

Невольно улыбаюсь.

Как будто услышав её, мужик отъезжает, и я трогаюсь с

места.

– Включи печку, если тебе холодно. Может, дрожать перестанешь, – кидаю в насмешку. Сам поглядываю на девчонку в боковое зеркало заднего вида. Обзор хреновый из-за дождя. Но на светофоре всё же окидываю взглядом мокрую девчонку. Волосы, собранные в хвост, выбились из резинки, чуть завились у висков. Влага с кожи пропала, а вот тонкий топик до сих пор мокрый, прилипает к телу, как вторая кожа.

Острое внимание привлекают затвердевшие выделяющиеся точки.

Она что, лифчик не носит?

Словно заметив моё внимание к своей груди, скрещивает руки.

Это хорошо, возбуждённым ненавижу сидеть за рулём.

– Так посижу, тут ведь ехать недалеко.

Да, минут за пятнадцать доберёмся. Было бы быстрее, если бы не пробки.

– Как знаешь, – бросаю и концентрируюсь на дороге. Предложив её подвести, у меня не было никаких скрытых мотивов. Мне просто по пути. Да и смешно было узнать, что эта неприступная ледышка боится такой ерунды.

– Можете на остановке меня выбросить. Я до дома сама добегу.

– Боишься, что парень увидит? – усмехаюсь. Отчего-то стоит подумать о том пацане, как пальцы сильнее стискивают кожу руля. Костяшки белеют, а ладони больно горят.

– Нет. Не хочу, чтобы вы ехали по нашим узким дорогам с дырами. Если из-за меня поцарапаете машину, я ремонт буду выплачивать до конца своей жизни.

– Зато будет повод созваниваться.

Шутка ей моя не нравится – чуть кривится, передёргивая плечами.

Я ей неприятен, но меня это мало волнует.

Встаём в пробку на половине пути. Нам ехать ещё минут семь. Проще было бы повернуть в сторону моего дома и быстрее добраться до него. Стоит об этом подумать – телефон начинает разрываться в кармане брюк. Достая её, сверля экран взглядом. Зинаида звонит.

Делает она это только в крайних случаях.

– Что случилось? – спрашиваю сразу, ответив на звонок. Слышу на заднем фоне плач сына. Такой истошный, что сердце сжимается, превращаясь в горошину.

– Игорь Викторович, тут Лёве страшно. Грома боится, визжит, как будто его бьют. Никак успокоить не могу. Качаю – вырывается. Не кушает, всё выплёвывает. Ползает по коврику, маму зовёт. Не знаю, что делать! Уже минут двадцать рыдает без остановки. Могу позвонить Марии Дмитриевне?

– Нет, – раздражённо выпаливаю. – Сам приеду минут через двадцать.

Смотрю на пробку впереди.

– Или сорок. Не знаю, займите его чем-нибудь. Окна закрыли?

– Да, закрыты, но тут всё равно слышимость хорошая. Млять, они что, все сговорились?

Поглядываю на Василису. У неё в команде трусов прибавление в лице моего маленького сына. Она внимательно смотрит на меня испуганными глазами. Слышит наш разговор и искренне сочувствует Льву. Явно разделяет его эмоции.

– Он плавать любит, в ванной с ним поиграйтесь. Там игрушки всякие в ящике лежат.

– Хорошо, попробую, но мы всё равно вас ждём.

Отключаюсь, нервно убираю телефон в карман. Переживаю теперь, пи**ец. Кто же знал, что у моего бесстрашного Огонька, который кидается на любую собаку, даже если это немецкая овчарка, боязнь какой-то погоды?

Не в его стиле.

Позвонить бы Маше, узнать, что она делала в этой ситуации, но... Пошла на хрен, овца.

– Что-то случилось с Огоньком? Ой, – опять забывается и бьёт себя по губам.

– Не извиняйся. Ему очень подходит, – вспоминаю его характер. – Оказывается, он боится грома, как и ты. Нервничает, зовёт маму.

Сам понимаю, что для него это огромный стресс. Он Машу несколько дней не видел. Это жестоко с моей стороны, но следить за этой дурой у меня времени нет. Да и доверить ей Льва уже не смогу. Дура, млять, крашенная.

– А где вы живёте?

Хмурюсь, указываю на поворот, где, как назло, пробок нет.

– Там. Минут десять-пятнадцать езды.

– Так давайте я выйду, а вы поедете домой. Я же вас только задерживаю.

– Под дождём давно не гуляла? Заболеешь потом, а замены у тебя нет.

– Но там же сын!

Да знаю я. Чего душу травит?

– Ванна поможет. Ты же сама его Огоньком называешь.

От воды он тухнет и расслабляется.

– Я так не могу... Давайте, может, я с вами поеду? – тон её вдруг становится живее. Смотрю в её сторону, а она уже даже не вжимается в дверцу машины. Карие глаза сияют радостью, будто от долгожданной встречи. – Не хочу навязываться, но я давно его не видела и, если честно, очень соскучилась.

– Гром же, – усмехаюсь. – Придётся терпеть его подольше.

Удивляет то, как девушка относится к малышу. Даже родная мать не говорит о нём с таким выражением лица и теплотой в глазах и голосе.

– Зато это оправдается, – весело улыбается она. – Так что?

– Ладно, – включаю поворотник и выкручиваю руль, перестраиваясь и тут же съезжая на другую дорогу. – Сама напросилась. Буду приставать – я не виноват.

На мою шутку она никак не отвечает.

Хотя вряд ли бы я назвал её шуткой. Потому что даже сей-

час втягиваю носом воздух, пропитанный её ароматом. Не ярких духов, которые любит Маша, из-за чего я не пускаю её в свою машину. А натуральным, естественным запахом тела, порошка и геля для душа. У каждого человека свой аромат. И у Василисы... он очень приятный. Спокойный. Так и хочется уткнуться в шею, набрать полные лёгкие воздуха.

Но это какое-то наваждение. Кратковременное. Маленькая хотелка. Такая раздражающая, бесящая, что не даёт мне спокойно жить. Я даже выкупил этот бассейн, который мне на хрен не сдался. Мне хватает денег, как и проблем.

И всё для того, чтобы просто получить своё. Эмоции.

Правда, сейчас всё отходит на задний план, когда думаю о сыне. И, вдавив педаль газа в пол, мчусь домой.

Глава 14

Василиса

Я чувствую себя ослом из «Шрека». Вопрос «Мы приехали» – отлетает уже от зубка. Но только в моей голове. Вслух не решаюсь спросить. Вжавшись в кресло, пытаюсь отвлечься на музыку в наушниках.

Покровский сам предложил этот действенный способ. Он работает, да. Я не слышу гром, но ощущение страха никуда не пропадает. Дождь за окном лупит, как ненормальный, сверкают молнии, и... Мужчина на соседнем сиденье напрягает не меньше.

Снимаю один наушник, когда мы заезжаем в частники. Не в обычные, в каких я была до этого. Здесь всё кричит о роскоши и богатстве. На территорию просто так не попадёшь – только через шлагбаум. Дома все разные, но нет ни одного хлипкого или полуразрушенного. Я будто попала в другой мир или в картинку из фильма.

Останавливаемся у высокого каменного забора.

Покровский в это время берёт пульт, нажимает кнопку, и дверь, напоминающая вход в гараж, поднимается.

Угадала – это именно он.

Заезжаем в просторное помещение. Немного выдыхаю, потому что дождя и тёмных туч перед глазами уже нет.

– Отмучилась, – усмехается Покровский, забирая свои ве-

щи из машины.

Я коротко киваю и думаю о том, сколько будет стоить так-си обратно до дома, да ещё и в такую погоду.

Но такой шанс увидеть Огонька и упустить его я не могла.

Выхожу из машины и осматриваюсь по сторонам. Наша с Валерой однушка выглядит хуже, чем этот гараж.

Становится как-то грустно, но встреча с Огоньком поднимает настроение вновь.

Я бегу за Покровским, буквально на минутку попадаю под дождь. И, пока добираюсь до дома, изучаю двухэтажный особняк в современном стиле. Какая-то геометрия, но жутко красивая. Окна широкие и большие, кое-где панорамные.

Детская площадка, бассейн...

Когда увидела Машу впервые, поняла, что она богачка. Точнее, её муж.

Но не подозревала, что так...

– Ты долго будешь под дождём мокнуть? – доносятся до меня отрезвляющие слова босса. – Ты так зависла, что даже грома не испугалась.

– А?

Раздаётся грохот, и я влетаю в помещение, как будто мне дали смачный пинок под зад.

Снимаю влажные кроссовки и неловко играюсь пальчиками в носках. Неловко, пипец. Здесь даже коврик какой-то навороченный, с вышитой буквой «П» на нем.

Её же перекрывают белые новые тапочки.

– Обувайся, почувствуй себя как дома.

Он явно не был у меня в съёмной квартире. Там словно прошёлся апокалипсис. Особенно по плите, которую при въезде отмывала целую неделю.

– Я постараюсь.

Сразу из коридора мы заходим в просторную гостиную, занимающую, кажется, половину дома. На диване в центре замечаю женщину и Льва, который плачет и жалобно мямлит:

– А-м-а. А-п-а.

Чередует эти два слова, пуская хрустальные и прозрачные слёзы. Грудную клетку сдавливает от жалости, у самой влага застревает в глазах. Чуть не срываюсь с места, чтобы утешить мальчика, но понимаю, что я ему абсолютно чужая.

Он зовёт родителей.

– Кто это у нас здесь сопли распустил, а? – как-то мягко, несвойственно для него, проговаривает Игорь. Привлекает к себе внимание сына. Выражение лица малыша при виде отца потихоньку меняется.

Уже не выглядит как потрёпанный щеночек, отчаянно разыскивающий маму. Тянется ручками к папе и пытается сам встать. Женщина поддерживает его до тех пор, пока Игорь не хватает Огонька под мышки и подбрасывает того в воздух.

Так внезапно раздаётся детский радостный смех, что я пугаюсь.

Он ведь только что плакал...

А теперь жмётся к папе, улыбается, сияя ярче солнышка. Трогает его везде крохотными пальчиками и трётся носиком о гладковыбритые скулы.

Не могу не улыбнуться.

– Ой, Игорь Викторович, я уж думала, это не закончится... Что я тут ни делала, – качает головой женщина. – И купались мы, и в игрушки играли. Бесполезно! А тут, только вас увидел, и всё! Нет истерики!

– Маленький проказник, – довольно тянет Покровский, будто даже гордится тем, что малыш не сдавался до конца и ждал папу. – Скучал по мне?

Ответом служит смачный «чмок» в щёку.

Папу он всё же любит... Я даже к Маше у него таких эмоций не видела. А тут... Совсем другой Огонёк.

– Я тебе тут кое-кого привёз. Но учти на будущее, не будь жадиной и делись с папой.

Лев до этого момента не замечал меня. А теперь округляет свои карие тёмные глазки, цвета тёмного шоколада. Вытягивает крохотные ручки вперёд. И медленно, будто затаив дыхание, выпаливает:

– Ама!..

Глава 15

Лев резко начинает плакать при виде меня. Пульс мгновенно подпрыгивает, и я чувствую себя виноватой.

А чего я ожидала? Что он вспомнит своего тренера по плаванию, с которым буквально научился вставать, ползать? Задерживать дыхание под водой.

Это же ребёнок, Вась, он хоть всё и понимает, но острой привязанности, кроме как к отцу и матери, у него нет.

И я тут лишняя. Пришла, испортила ему настроение, когда он хотел побыть с отцом.

Делаю шаг назад, ретируюсь. Нужно было всё же поехать домой.

Сердце разрывается от детского плача. И от того, что Огонёк неожиданно начинает сильнее плакать и вырываться из отцовских надёжных рук.

Игорь переводит молниеносный взгляд на меня. До этого нежный, тёплый, он ожесточается. Там мелькает сталь, ярость и ненависть.

– Солнышко моё! – раздаётся противный и чересчур слащавый голос за спиной. Этот крик я уже прекрасно знаю: вдоволь наслушалась в бассейне. Повернув голову, ещё раз в этом убеждаюсь: Покровская влетает в зал, пробегает мимо меня и спешит к сыну. – Бедненький! Вот ты до чего, Игорь, его довёл! Малыш без меня не может!

Тянет свои руки к ребёнку, но Игорь и пальцем тронуть его не даёт.

– Ты что здесь делаешь? – цедит сквозь зубы.

– Как что?! – женщина, топнув ногой, указывает на няню. – Зина позвонила! Сказала, что Льву плохо! Меня зовёт! Ты видишь, что ты наделал? Травмируешь психику ребёнку!

Не хочу я быть на месте этой Зины, потому что Покровский буквально убивает её глазами. Мысленно разрезает на кусочки и скармливает собакам. Но, надеюсь, это всего лишь мои ощущения от напряжённой атмосферы.

– Я разве не говорил, чтобы вы не звонили ей?

Зинаида теряется, разводит руками.

– Я сначала Марии Георгиевне позвонила... Но как только вы мне сказали, что не надо, я тут же всё отменила! Но он так громко плакал, Игорь Викторович! Я не знала, что делать!

– И правильно сделала! – вмешивается Маша.

Боже, почему я стала свидетельницей всего этого? Не хочу лезть в эту семью! Но отчего-то продолжаю стоять, смотреть на Огонька, который жмётся к папе. На каждую попытку мамы взять его он истошно кричит. Неужели она так сильно нанесла ему травму ногтями? Не думала, что малыши в этом возрасте это понимают...

Да и уверенности в том, что поцарапала его в прошлый раз именно она, у меня нет.

Но почему-то же он так её боится?

– Зинаида, отнеси Льва в его комнату, – чеканит Покров-

ский. – С тобой поговорим позже.

Пытается отдать мальчика, но он только сильнее вцепляется в отцовскую шею.

– Апа-а-а, – протягивает, будто зовёт его. И смотрит на меня своими бусинками, от которых желудок скручивает, а дыхание пропадает.

– Давайте его мне, – выпаливаю, не задумываясь. Слишком много на себя беру, раз думаю, что он усидит у меня на руках, но... Пусть плачет, кричит, но хотя бы не слышит ругань родителей.

Игорь Викторович кивает. И, на удивление, Огонёк сам идёт ко мне, прижавшись головой к моему плечу.

– А она что здесь делает? Какого чёрта, Игорь? Она что, твоя любовница? Почему ты доверяешь ей нашего сына? Что она вообще забыла в нашем доме?

– В моём доме, Маша! – повышает голос, похожий на гром.

Меня снова передёргивает, и я ощущаю на себе, как сжимается маленький Львёнок.

Хочется плюнуть в лицо Маши, но я обнимаю мальчика, успокаивая.

– Мы можем пойти на второй этаж? – смотрю на роскошную закруглённую лестницу.

– Да.

– Нет! – снова протестует Маша. – Я не разрешаю! Ты с ума сошёл? А вдруг она воровка? И, пока мы здесь, что-ни-

будь украдёт?

Я недослушиваю весь этот бред. Быстро ретируюсь, поднимаясь по лестнице. Но кое-что заметить успеваю. Покровский бесцеремонно хватает свою жену за запястье, дёргает её так, что она чуть не падает. И, кажется, тащит её в коридор. Но ор Маши тише не становится, наоборот, только усиливается, потому что та начинает кричать.

Поднимаюсь на второй этаж с безумно колотящимся сердцем.

Нахожу детскую, которая как раз была открыта. Захожу в довольно тёмную комнату. Не так должны выглядеть детские, но не мне судить.

Падаю на небольшой диванчик и пытаюсь отвлечь Огонька от всего, что он только что испытал.

Трогаю его за пальчики, делаю лёгкий массаж ладошек, которые он с трудом разжимает из кулачка. Немного расслабляется, помня, что сразу после этого мы идём в бассейн, где даёт жару.

А сегодня он расслабляется. Не плачет, лишь тяжело дышит от пролитых слёз. Устал, бедненький...

Целую его в макушку.

Это странно, но я дико соскучилась. Будто не видела его не неделю, а несколько месяцев. И так радостно на душе, что никакой гром и дождь за окном не пугают.

Такое я чувствую редко. Только к Еве, своей племяннице и крестнице. А тут совершенно чужой ребёнок...

Это плохо. Привязываться нельзя. Это я уяснила за годы практики.

Я всегда даю себе мысленные оплеухи. Но не сейчас...

Убаюкиваю мальчика, засунув ему в рот соску, всё это время прикреплённую к слипу, и напеваю ему колыбельные, которые раньше пела нам с Милкой мама. А потом сестра делала это своей дочурке.

Давно я этого не делала... Слова путаются, пропадают из-за памяти, но укачать Льва мне удаётся.

Криков уже не слышно, и я выдыхаю.

Надеюсь, там обошлось без драк...

Похлопываю малыша по спине. Я бы тоже так прилегла и вздремнула, но за окном сверкает молния, и я напрягаюсь. Словно чувствуя мой страх, Лев распахивает глаза и внимательно смотрит на меня. Но не пугается, лишь изучает. Протягивает ладошку, кладёт на мою щёку. Сосёт соску, отчего уголки моих губ несутся вверх.

– Спи, – тихонько проговариваю.

А он улыбается с соской во рту.

И издаёт довольный звук. Ведёт по моей щеке пальчиками и отрывается от моей груди. Пытается встать, и я поддерживаю его под мышки, пока Лев изучает моё лицо. Будто до этого что-то не рассмотрел.

Ощупывает скулы, губы, нос... Аккуратно ведёт пальчиком по глазам, которые прикрываю ради него.

– Мне страшно, – снова издаю тихий смешок. – Изучаешь

меня, как будущий пластический хирург?

Знаю, что ничего не понимает, поэтому несу всякую чушь.

– Почему сразу хирург? – слышится бархатный насмешливый голос. Резко оборачиваюсь, пугаясь. Покровский стоит в дверном проёме, утыкаясь плечом в дверной косяк и скрестив руки на груди. – Может, просто любитесь красивой девушкой.

Услышав папу, Львёнок тут же отмирает, словно растаяв, как лёд. Машет ручаками, будто плывёт в бассейне, но к папе пока не идёт.

– Вряд ли.

– Нет. У него есть вкус. Весь в отца. Ему приглянулись те же девушки, что и папе.

Усмешка расцветает на его губах.

– Да, Львёнок?

Глава 16

Василиса

– Ясно, – отвечаю сухо, отворачиваясь. Понимаю, что он сделал мне комплимент, но... Не могу на него среагировать. Не хочу. После того поцелуя я вижу в любой его фразе неприкрытый интерес ко мне. И это льстит, но...

У меня есть Валера, и я не понимаю, на что он рассчитывает. Если хочет затащить меня в постель, потому что временно злится на свою жену, то у него не выйдет.

Точно, Маша ведь куда-то пропала.

– Всё нормально? – спрашиваю. Складывается ощущение, что я лезу не в своё дело. Но... Он такой злой был – стало самой страшно. Хотя я и не из пугливых.

Только сейчас замечаю влажные волосы Покровского. Следы капель от дождя на его рубашке.

– Да, – говорит как ни в чём не бывало. – Ей надо было охладиться, поэтому решили сделать это на улице. Нас было слышно?

Мотаю головой и улыбаюсь при виде зевающего Огонька. Спать хочет, сонные глазки уже закрываются, но видно, как пытается пересилить себя.

Помню, Ева никогда не засыпала, когда происходил какой-то движ. Боялась пропустить что-то интересное.

– Ну вот, к нему его любимый тренер приехал, а он сразу

в спячку.

Лев тихонько смеётся, улавливая доброжелательный и шустрый тон отца. Маленькие вспышки радости через усталое и нервное состояние.

– Он почему-то не плачет, – задумчиво тянет мужчина. – Хотя боялся грома.

А ведь и правда. Даже я уже не замечаю искры и грохот за окном.

– Вдвоём не так страшно, да? – спрашиваю кроху.

Вместо ответа малыш снова зевает. Обмякает в моих руках, хорошенько устраивается у меня на плече и груди, за которой буквально по швам трещит сердце. Это слишком мило. Настолько, что все внутренности сдавливает.

Пока он не хочет идти к родной матери, засыпает у меня на руках.

– Зависть, – усмехается Игорь Викторович, смотря на своего сына, расположившегося у меня на груди.

Только сейчас осознаю, что сижу в детской комнате сына своего нового босса. Никогда бы не думала, что подобное случится.

– Я пока уложу его спать, – проговариваю тихо, легонько похлопывая малыша по спинке. Сильно много времени это не займёт: Огонёк сопит и без укачиваний. – Можете заняться своими делами. А потом я поеду домой.

– Есть опыт работы с маленькими детьми?

– Я ведь детский тренер, – улыбаюсь.

– Точно, – бьёт себя пальцем по виску, будто коря себя за сказанную глупость. – Погода дерьмовая. Если никуда не торопишься, можешь остаться здесь. Лев будет не против.

Теряюсь. Он-то точно против не будет, но... Покровский. Нет!

– Нет, спасибо, у меня ещё есть кое-какие дела.

Диалог дальше не продолжается. Я укладываю Огонька в кроватку, ещё несколько минут стою возле неё и тяжело вздыхаю. Надо ехать домой. Благо завтра тоже сокращённый день, и можно будет отдохнуть от суеты, заняться своими делами и забить голову чем-нибудь другим.

И у Валеры выходной.

Может, сходим куда-нибудь... А то мы только и делаем, что сидим дома и смотрим кино. Давно никакой романтики не было. И хоть договорились пока не тратить деньги и экономить, всё равно хочется внести разнообразие в нашу обыденную жизнь.

У нас и до этого не было чего-то бурного. Познакомились, подружились, год или два просто общались. А потом, незаметно для меня, всё переросло в отношения. Съехались, составили планы на дальнейшую жизнь.

Пресновато, но зато спокойно.

Хм, а когда у нас вообще был секс?

Мотаю головой и пытаюсь выкинуть эти мысли из головы. Это всё дрянная погода и взгляд на семью Покровских. Немного задумалась об их отношениях в семье. Если у нас

они более дружеские, даже иногда слишком, то у них... Нет любви. Нет привязанности. Игорь слишком легко выкинул из жизни свою жену.

Интересно, смогли бы мы так же?

Отогнав навязчивые мысли, нахожу встревоженную Зинаиду. Говорю, что мальчик уснул и спрашиваю, где бродит хозяин дома. Хочу попрощаться чисто из вежливости, вызвать такси и уехать.

– А он в машину пошёл. Вас ждёт.

Блин... Неловко.

С трудом выхожу на улицу. Зажав уши ладонями, бегу по каменной дорожке к гаражу. Вот классная погода! Пахнет офигенно, влажность повышенная, как я и люблю, но эти звуки...

В салон автомобиля буквально залетаю под издевательские взгляды Покровского. Обиженно дышу, и отворачиваюсь, пристегнувшись. Задрал! Как будто у него слабостей нет... Чтобы не расслаблялся, решаю включить зануду.

– Детская комната очень тёмная. Нужно больше светлых оттенков.

– Знаю.

– Тогда почему не сделаете ремонт? Вместо того, чтобы пихать мне деньги, могли бы и потрудиться, нанять бригаду для отделочных работ. В конце концов, самому переклеить обои. Чёрный – не лучший цвет для ребёнка.

– Это временная комната. Его – чуть дальше. Чтобы мне

было удобнее бегать по ночам к нему.

– Вы один с ним по ночам?

Хочется прикрыть распахнутый от удивления рот ладошкой.

Этот мужчина нянчится ночами с сыном? Не поверю! Я думала, Зинаида с Огоньком круглые сутки. А тут... Как представляю, что Игорь встаёт со своей кровати в четыре утра, идёт до кроватки, чтобы понянчить сына...

Тепло так становится.

– Да.

– Ненадолго ведь?

– Сомневаешься, что я не справлюсь?

– Нет, просто... Ребёнку нужна мама.

Замечаю многозначительный взгляд в мою сторону.

Кажется, я ляпнула что-то не то.

– Вы ведь простите Машу?

Зачем? Зачем я лезу в это?!

Чёртов женский интерес!

И скребущее на душе чувство. Я бы убила, если бы мой муж навредил нашему малышу. И на шаг бы приблизиться не дала. Но я же мама... Что чувствует по этому поводу отец? Испытывает те же эмоции? Или более лоялен? Отходчив?

– А ты бы смогла? – ледяной тон, который в последний раз я слышала при разговоре с Машей, вызывает мурашки по всему телу.

Глава 17

– Нет, наверное, – обхватываю себя руками, обнимая.

Дальше диалог не клеится. Дорога до дома занимает сорок минут, которые я сижу в наушниках. Переписываюсь с Валерой, тот всё же решил сегодня остаться в доме родителей.

Мучиться мне сегодня одной. Может, к сестрёнке поехать? Нет, хватит на сегодня покатушек. Я даже не знаю, как дойти до подъезда от машины. Покровский из-за избытка машин во дворе приткнулся, куда мог. С его-то габаритами... Не везде влезешь.

– Спасибо, что подвезли.

– Сама дойдёшь или за ручку повести?

Был бы тут Валера, я бы попросила его взять меня за руку!

Но тут...

– Сама, – бурчу под нос. Открываю дверцу, смотрю под ноги. Огромная лужа...

Бабах!

Тут же захлопываю её обратно и крепко сжимаю зубы.

Я соберусь и пойду! И никого о помощи просить не буду!

– Почему ты так боишься?

– Это личное, не стоит углубляться.

– Говорит девушка, невольно знающая о всём, происходящем в моей семье.

Закусываю губу. Неловко. Так-то он прав.

– В детстве меня придавило деревом, – я демонстрирую ему небольшой шрам на предплечье. – Я была настолько слабой, что не смогла его убрать. Поэтому лежала полчаса на улице, в грязи, слушая гром. Детская травмочка.

И хоть я выросла, страх остался.

– Считаю, у нас один-один.

– Сойдёт, – обнажает свои белые зубы в улыбке. У него клыки, как у вампиров...

Зачем-то открывает дверь и выходит из машины.

– А это ещё зачем? – шепчу себе под нос, внимательно наблюдая за каждым шагом Покровского. Он открывает мне дверь, протягивает руку.

– Пошли, доведу. А то деревом придавит, и придётся мне нового тренера искать.

Так вот оно что...

Выпрыгиваю из машины, так и не подав ему руку.

– Сама справлюсь.

И бегу вперёд, оставляя его за спиной. По лужам, в белых кроссовках, со слезами на глазах. Только недавно новые купила!

Кажется, он идёт за мной. А я ускоряюсь от непогоды, не собираясь задерживаться на улице. Выхожу на дорогу между домом и детской площадкой, в которой тонут ноги, и наступаю в очередную лужу. И, как назло, попадаю в ямку, оступаясь. Но тут же выравниваюсь, чувствуя острую боль в щиколотке.

Блин!

Но не это пугает меня сейчас. Сбоку, куда поворачиваю голову, меня ослепляет свет фар. От тарахтящего и громкого шума мотоцикла пугаюсь. И делаю это ещё сильнее, когда вижу, что он несётся в мою сторону.

Успеваю только попрощаться с жизнью. Даже представить ничего не успеваю. На такой скорости этот идиот собьёт меня и переедет.

Зажмуриваюсь от страха и в ту же секунду ощущаю грубую хватку на запястье.

Рывок! Разворачиваюсь на здоровой ноге и падаю на мужчину, выдернувшего меня с дороги. По рёву мотора и тому, что всю спину обливает водой из лужи, мотоциклист проезжает мимо, даже и не поняв, что чуть не лишил жизни человека.

Тяжело дышу, упираясь руками в твёрдую грудь Покровского.

Он, кажется, чтобы я не упала, обхватил руками.

Ничего не поняла. Всё было так в суматохе, в испуге...

И теперь стою в объятиях мужчины и не могу пошевелиться. Сердце после случившегося тарабанит груди, отчего она вздымает так быстро и часто, будто та разорвётся.

– С-спасибо.

Дрожь ударяет по телу, не замечаю даже ливня, ещё сильнее обрушившегося на голову.

Чёрт... Этот день когда-нибудь закончится?..

– Ублюдок, – гаркает в сторону Покровский. – Ты как? Чего встала-то на дороге?

– Оступилась. Ногу больно было. Сейчас вроде нормально.

– Подвигай ей. Как? Исключим перелом.

Поднимаю взгляд, двигаю ногой и выдыхаю.

– Нет-нет, всё хорошо. Дойду.

Говорю это, а сама продолжаю стоять на месте. Почему-то в руках Игоря безопасно и тепло. Или я просто не отошла от шока.

– Радует.

– Ага, на работу я завтра выйду.

– Посмотришь завтра с утра. Если что, напишешь администратору.

Киваю, смотря в ледяные глаза мужчины. Но сейчас они не такие холодные, какими были до этого. Наоборот. Излучают какое-то волнение, беспокойство.

– Хорошо, я пойду.

Отрываюсь от него с трудом. Думаю, что это неправильно.

У него жена, а у меня Валера. И стоять вот так близко, прикасаясь друг к другу телами... Нельзя. Он поймёт это как-то не так. Вырваться не получается, как и сделать шаг назад.

Игорь держит меня за талию, обхватив двумя руками. Чуть наклонившись, прожигает во мне дыру. Как загипнотизированный.

– Игорь, – резко говорю его имя. – Перестаньте. Я искренне вам благодарна, но...

Он снова пускает смешок, и хватка становится слабее.

– Какая же ты обломщица.

Мне не по душе этот харизматичный и насмешливый мужчина. Всё потому, что хочется невольно пошутить. Улыбнуться. Мысленно прошу его стать той глыбой льда, которого я вижу в бассейне. Там он абсолютно другой. Припечатает словами к полу даже меня. Сожрёт, словно акула. А наедине... Он растаявший кусочек льда.

– Дойдешь?

– Да, – коротко киваю, освободившись от его горячих рук. Мириады мурашек от холода осыпают кожу, и я, обхватив себя за плечи, спешу домой. – Всего хорошо, и спасибо, что подвезли.

Залетаю в подъезд, пролетаю несколько лестничных пролётов, несмотря на ноющую боль в щиколотке. Захожу в нашу съёмную квартиру, где пахнет старой мебелью. Не могу уловить и нотку дезодоранта Валеры. А мне он так сейчас необходим. Как чёртово спасение.

Потому что в моей голове – настоящая катастрофа. За рёбрами – тоже самое.

Не понимаю, почему так реагирую на обычные вещи. Особенно на это спасительное объятие.

Но во время него... Я чувствовала что-то странное.

Такого не было раньше, когда я обнималась с Валерой. От

встреч с ним тепло.

А от Покровского... Мне трепетно.

Из-за этого теперь сравниваю их.

Больно бью себя по лицу, приводя в чувства.

Ты в шоке, Вась. Вот и всего.

Тебя только что чуть мотоциклист не сбил, не надумывай!

Бодро прохожусь ладонями по щекам. Достая телефон и пишу Валере.

«Сходим завтра в парк аттракционов? Если погода хорошая будет».

Он читает быстро – явно уже приехал к маме.

«Прости, солнце, завтра футбол. Давай на следующей неделе?»

Смотрю на день недели. Вторник... Ещё ждать столько времени.

«Хорошо, – пишу, несмотря на противоречивые чувства. – Буду ждать тебя завтра дома. Люблю».

Последние слова пишу машинально.

Ничего, завтра мы увидимся, я его поцелую, и Покровский вылетит у меня из головы.

Только бы дождаться завтра и пережить этот тяжёлый вечер.

Глава 18

Василиса

Ненавижу эту погоду. Вчера адский ливень, а сегодня невозможная жара! К обеду все лужи уже высохнут, и от вчерашней погоды останутся только воспоминания.

Перепрыгиваю через препятствие и чуть не падаю, растерявшись от внезапной вибрации телефона в руке. На экране высвечивается «МилкиВей».

О, сестрёнка звонит!

– Да-да, я слушаю, – игриво произношу, прислонив телефон к уху. И продолжаю дальше прыгать через лужи.

– Василиска-а-а-а, выручай!

– Я тебе волшебная палочка-выручалочка, что ли? – смеюсь в трубку. – Ладно-ладно, говори, что случилось?

– Можешь Еву с садка забрать и до вечера с ней посидеть?

– М-м-м, – вспоминаю свой график и мычу. – Да, могу.

Романтическое свидание с Валерчиком всё равно провалилось. А так хотя бы с племяшкой время проведу. Сходим куда-нибудь. В цирк или парк-аттракционов. Надо отвлечься немного и отдохнуть. Хотя бы с ней!

– Боже, спасибо тебе огромное! Должна буду!

– Давай-давай, – прощаюсь с сестрой. Как раз дохожу до спортивного комплекса, останавливаюсь у входа в бассейн. На парковке уже стоит тонированный Рэндж Ровер. Конеч-

но, теперь он здесь каждый день красоваться будет.

Захожу в холл, где меня встречает Алина. Сегодня смена её. И начинается она с обсуждений нового владельца. Вчера ведь её не было – выговориться было некому. Столько новостей – и все без неё!

– Я в шоке, – качает головой, облокотившись на стойку. – Интересно, зачем ему это?

Пожимаю плечами.

– Хотела бы я знать.

Но причину нам никто не скажет. Не в мести же дело. Кому мстить?

– А может, – Алина подпирает голову руками и глупо улыбается. – Он из-за тебя его выкупил? Знаешь, как в настоящих историях о лю...

– Боже, – перебиваю её, закатывая глаза. – Тебе пора перестать читать эти ла стори.

– А тебе пора начать, – в обиду поджимает губы. – Сухарь.

– А как мне ещё реагировать на твои слова? У меня парень есть. Па-рень, – машу перед ней ладонью. Да почему все забывают про Валеру?

– Прости-прости. Больше не трогаю.

Отдаёт мне ключи, из-за которых я и задержалась у Алины.

– Расписание.

Смотрю на белый лист бумаги. Сегодня всего два малыша.

– На два часа отменили запись. Там ветрянку, что ли, под-

хватили.

Киваю. Это хорошо и одновременно плохо. Вроде могу домой пораньше уйти, но и зарплата от этого уменьшится. Ладно, здесь всё зависит не от меня.

Переодевшись, бегу в тренерскую. Там уже сидит Илья, в эту смену дежурит он. Здравоваюсь, делаю кофе перед первым занятием. Перекидываюсь несколькими фразами с парнем.

– Вась, ты сейчас работать? – слышится сразу, как только вымываю чашку и ставлю к остальной посуде.

– Ага.

– Занесёшь это новому боссу? – поднимает несколько бумажек в воздух. – Тебе по пути.

Ага, как назло, кабинет шефа находится как раз недалеко от детского бассейна.

Если откажусь, буду плохой?

– Я ногу потянул вчера, ходить толком не могу, – вытягивает перемотанную эластичным бинтом ступню.

Да блин!

– Ладно, – вздыхаю, забирая листы и направляясь работать. Выравниваю на секунду сбившееся дыхание. Прислушиваюсь к ровному биению сердца, которое начинает стучать быстрее у директорской двери. Не от позитивных эмоций. А от нервов. От неизвестности, что может выкинуть Игорь Викторович.

Стучусь, слышу негромкое «Войдите».

Уверенно толкаю дверь, перешагиваю порог кабинета под радостное детское «агуканье». А взгляд натывается на Льва, расположившегося на отцовских коленях. Ест конфету, размазывая шоколад по своему лицу и пальцам. Покровский только и успевает вытирать его ладошки, чтобы тот, видимо, не замарал все его вещи. Но он сегодня весь в чёрном, может не бояться.

– Здравствуйтесь, – тяну неловко, не зная, как и реагировать. Что-то случилось с Зинаидой, раз сегодня Огонёк со своим папой? Хоть я и удивлена, но искренне рада видеть малыша в позитивном настроении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.